

Акцидент

Совершенно секретно

Экз. № 2277

СБОРНИК КГБ СССР

135

№ 45

Прих. № 1387 Экз. № 2277

СПЕЦБИБЛИОТЕКА
КГБ Литовской ССР

Москва 1989

KGB Document

СБОРНИК КГБ СССР

Основан в апреле 1959 года

Выходит один раз в месяц

СОДЕРЖАНИЕ**КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА:
ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПРАКТИКА
ПЕРЕСТРОЙКИ**

Дискуссионная трибуна. Ю. РАМЕНСКИЙ, Ю. ГРАЧЕВ — Глазами агентуры	3
И. ЛЕГАН, В. ДИНАЕВ, В. ШМАТКО — Искать новые подходы (К вопросу о дове- ренных лицах органов КГБ)	15
В. СКОМОРОХОВ — Веление времени. Очерк (окончание)	18
Внимание — «компьютерные вирусы!	26
В. БАРСУКОВ, В. ГОРБАТЬКО, И. САМАР- СКИЙ — Защищать интересы страны — наш долг	33
Г. ШАБЛОВСКИЙ — Умелые действия аген- туры обеспечили успех разработки	39

135

АВГУСТ
1989
МОСКВА

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

Фронт, на котором нужно действовать актив- нее. Обзор редакционной почты	43
---	----

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВЧК—КГБ

С. ВОЛКОВ — Память о Председателе
ВЧК — в наших сердцах. К 112-й годов-
щине со дня рождения Ф. Э. Дзержинского 56

ЗНАТЬ И ИЗУЧАТЬ ПРОТИВНИКА

Р. КРАСИЛЬНИКОВ, Ю. ПОЛУНИН — За
ширмой посольства 58

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. В. Толкунов (ответственный редактор), В. И. Алексеев, П. Ф. Дубровин,
В. П. Колесников, Л. А. Постников, К. Т. Пястолов, В. Н. Растворгусев (зам. от-
ветственного редактора), Е. Д. Сахаров, В. П. Скоморохов (ответственный сек-
ретарь), Н. Н. Скороваров (зам. ответственного редактора), И. И. Устинов,
В. С. Широнин, И. И. Якушев.

В «Сборнике КГБ СССР» № 135 пронумеровано 64 страницы.

Упоминающиеся в статьях фамилии и псевдонимы в необходимых случаях
изменены авторами или редакцией.

Адрес редакции (для секретной переписки): Москва, Редакция «Сборника
КГБ СССР», тел. ОС 89-21-94, 89-20-22.

Корректоры Т. А. Фарафонова, Р. А. Донская, Л. И. Шулепова

Сдано в набор 04.08.89. Подписано к печати 29.08.89.

Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Заказ № 0048. Тираж 4000 экз. Инв. № 45

Типография Хозяйственного управления КГБ СССР

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ РАБОТА: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПРАКТИКА ПЕРЕСТРОЙКИ

Дискуссионная трибуна

ГЛАЗАМИ АГЕНТУРЫ

Подполковник Ю. РАМЕНСКИЙ,
подполковник Ю. ГРАЧЕВ

Продолжая начатый нами в статье «Взгляд на перестройку»
(«Сборник КГБ СССР» № 127) разговор, хотелось бы вновь при-
влечь внимание к работе с агентурой в современных условиях. Этот
вопрос сейчас приобретает еще большую остроту.

Осуществляя оперативный контроль за деятельностью иност-
ранных корреспондентов, работая с агентами (подавляющее боль-
шинство их — советские журналисты), приходится сталкиваться
со многими трудностями.

В нашем подразделении в основном молодые сотрудники со
стажем работы один-два года. Приобретают же они опыт сразу в
«боевых» условиях, подчас ориентируясь лишь на полученные в
Высшей школе КГБ знания. Партийно-политическая работа, че-
кистская учеба в подразделении, совет руководителей, обсуждение
с ними необходимых вопросов перед встречей с агентом, наконец,
личный пример начальников — вот арсенал средств обучения мо-
лодого сотрудника. А дальше — один на один с агентом, у кото-
рого подчас и жизненный опыт больше, и участие в острых кон-
тр-разведывательных, а иногда и разведывательных операциях.

От того, насколько умело и эффективно мы будем пользоваться
нашим самым главным и острым оружием — агентурой, зависит,
сумеем ли мы решить центральную задачу — обеспечить безопас-
ность страны. Поэтому мы и сосредоточили свое внимание на под-
нятии агентурной работы на качественно новый уровень. Для этого
был необходим собственный анализ с учетом нашей специфики,
мы бы сказали «взгляд изнутри», то есть посмотреть как бы гла-
зами агента на самого оперработника, оценить его. Такой подход
может и должен, как оказалось, способствовать совершенствова-
нию методов и стиля нашей работы с агентами.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют высказывания опытной агентуры, дающей оценку своему сотрудничеству с органами КГБ, а также указывающей на отдельные недостатки оперработников в работе с негласными помощниками.

Данную статью мы проиллюстрируем выдержками из записок ряда агентов.

Прежде всего опрошенная нами агентура четко выделила грань между получением информации на иностранцев и на советских граждан. Так, агент «Старков» пишет:

«Изменение общественно-политической ситуации в стране ставит вопрос об особенностях работы помощников органов госбезопасности в новых условиях и даже о целесообразности их существования вообще...

Было бы актом неслыханной демократии уничтожить этот институт. Тот, кто пошел бы на такое решение, увековечил бы нашу страну не только как авангард демократии, но и как форпост политической наивности и глупости. Пока существует государство, должны существовать и инструменты его защиты. Попытка же дилетантов или политически инфантильных (если не сказать крепче) деятелей вмешиваться в технологию этого процесса напоминает слезливые вопли дам, протестующих против кошмаров скотобойни, но требующих к обеду бифштекс.

Очевидно также, что разрушение агентурной сети может быть на руку в первую очередь тем, кто боится попасть в поле зрения органов безопасности.

Разумеется, нельзя быть твердолобым, отказываясь считаться с новыми явлениями нашей жизни. В конце концов, если государство признает их, значит, органы государственной безопасности должны их также защищать (вплоть до неформалов и т. д.). Этот парадокс, доведенный до широкой публики в тонкой интеллигентной манере, может побудить страсти у тех, кто искренне заблуждается относительно роли КГБ в нынешнем обществе.

Вероятно, определенной трансформации должны подвергнуться и взаимоотношения оперработников и помощников, проще говоря, агентов. Без агентурной сети, позволяющей осуществлять двусторонний поток информации на маршруте органы — общество, оперработник уподобится слесарю без рук. Другой вопрос — как повысить эффективность этой сети, качество ее работы». Агент считает, что для этого «необходимо повышение режима секретности. Без колебаний рвать связи с агентом, дешифрующим себя поведением, действиями. Лучше меньше — да лучше; больше требовательности к морально-политическому облику помощников, тщательный их отбор среди перспективных людей, а не среди неудачников.

Нужен (по примеру ряда западных стран) закон об уголовной ответственности за расшифровку секретного сотрудника перед публикой. Аргументированная ссылка на прецеденты поможет привести закон через Верховный Совет».

Говоря о статусе помощников, «Старков» подчеркнул, что «вывод погранвойск из состава Вооруженных Сил дает юридическое

обоснование для его пересмотра, поскольку в соответствии с 62-й статьей Конституции защита государства — священная обязанность, которая теперь выполняется не только в Вооруженных Силах, но и в ряде формирований вне их, есть возможность рассматривать привлечение к работе помощников, т. е. агентов, как форму призыва на военную службу (из запаса) или службу, приравненную к ней».

По мнению источника, письменное оформление отношений с помощником должно остаться. И даже наоборот — необходимо более развернутое юридическое оформление их.

В чем тут дело? «Необходимо учитывать психологию агента, — считает «Старков», — для которого в принципе оскорбительно рассматривать себя исключительно как орудие для сбора информации, бесправное в иных отношениях. Было бы более полезно, если бы он ощущал себя частицей системы, а не только ее инструментом». «...Безусловно, нуждается в анализе и вопрос о подготовке этой категории, так как использование агента для целей секретной работы без его соответствующей подготовки рано или поздно приводит к ошибкам и дешифровке. Как бы КГБ себя ни тешил в этом отношении, как правило, в любом учреждении информатора коллектив «вычислит» достаточно успешно».

Не секрет, что эффективность работы агента зависит от ряда факторов, в том числе материальных возможностей. Поэтому, на наш взгляд, нуждается в определенном пересмотре финансовая политика. Как получается на практике: агент, как правило, скован своей зарплатой, на целевые акции получает от оперработника определенные средства, но такое возможно лишь в случае планирования мероприятия, что удается далеко не всегда. Жизнь сложнее и имеет скверную привычку нарушать все планы. На своем опыте агент «Старков» не раз убеждался, что именно обыденный факт отсутствия какого-то денежного резерва приводил к упущению возможности познакомиться с потенциальным источником информации.

Мы научились считать расходы по плану. Когда же научимся оценивать и упущеные возможности?

Быть может, имеет смысл предоставлять агенту подотчетные суммы, целесообразность расходования которых удостоверяет оперработник на основании расписок развернутого содержания.

Далее, о стимулах для самого агента. Эта сторона дела менее разработана. Человек сознательно идет на дополнительную специфическую работу со всеми ее неудобствами. Но во имя чего?

«Старков» считает, что введение платной агентуры не решит проблемы, так как «любой платный агент легко покупается за большую сумму, и это серьезная опасность».

Основная ставка должна делаться на моральный фактор с учетом рекомендаций психологов. Нужно утверждать самоуважение агента, подтверждая важность порученного ему дела. Почему бы не предусмотреть для него перспективу, к которой бы он мог стремиться?

В этой связи источник полагает важным не менять по возможности связей оперработника с агентом. Череда оперработников укрепляет агента в негативной самооценке как простого орудия. Форма постоянных контактов, напротив, создает иллюзию прочности, личного отношения и т. д.

Еще одно замечание. В конце ХХ столетия анахронизмом выглядят некоторые инструкции, определяющие формы отчетов агентов и передачи ими информации в письменном виде обязательно в присутствии оперработника. Необходимо шире использовать аудиовизуальные средства для записи информации, сокращая поток бумаг. Минусов бумажные отчеты имеют больше, чем плюсов. Материалов на агента и без того достаточно. Но письменное собстворучное оформление сообщений резко тормозит процесс работы, снижает ее эффективность. В принципе, не отвергая эту форму вообще, можно ввести, например, такую форму: агент, имеющий информацию, набирает кодированный номер телефона (вопрос защиты от случайного прослушивания — дело техники) и передает сообщение установленной формы. Телефон работает в режиме автоответчика, записывая на магнитоленту сообщение. Письменная расшифровка идет в дело и по службе. Темп передачи может возрасти кратно. Материальное обеспечение — не столь велико, если учесть транспортные расходы и прочее.

И еще. Круг потенциальных помощников, видимо, должен быть достаточно широким, чтобы решать многоплановые задачи, но в то же время очерчен более четко. Нужны в первую очередь достаточно образованные и идеально убежденные люди, которым в принципе «есть, на что надеяться, и есть, что потерять».

В условиях возрастающей напряженности в обществе растет и потребность в объективной информации, а значит, растет потребность в работе помощников. Стоит уделить максимум внимания этой проблеме. Лозунг «Экономика должна быть экономной» не мог привести к экономическому росту, потому что в экономике, как и в обществе вообще, действует другой принцип: «Хочешь получить прибыль — вложи капитал». Образно говоря, помощники — капитал органов безопасности, капитал системы безопасности общества в широком понимании этого слова. Умножая его, мы крепим и безопасность общества.

Еще один интересный пример. Агент «Нилов» считает: «Следует учитывать, что предложение о сотрудничестве по иностранцам и предложение о сотрудничестве по соотечественникам ставят тех, к кому обращается кадровый сотрудник Комитета, в совершенно различные по качеству морального климата ситуации. Так, в первом случае вероятность того, что представляемая информация может пойти на пользу безопасности своей страны, очевидна, а во втором — нет. В первом случае речь идет о «благополучии» чужих, а во втором — о судьбе «своих».

По мнению агента, «если тот, к кому обращаются с предложением о сотрудничестве по советским гражданам, высказывает исключительную готовность к нему, воспринимает такое предложение с энтузиазмом, он преследует некие своеокрыстные цели. Повы-

шенный энтузиазм в связи с предложением о сотрудничестве в данном случае сотрудник Комитета должен воспринимать с осторожностью».

Процесс вербовки агенты рассматривают по-разному. Изменения, происходящие в нашей стране, формируют несколько иной взгляд у агентуры на сотрудничество с КГБ.

Критикуя содержание подписки о сотрудничестве, агент «Нилов» отмечает, что, «если невозможно отказаться от этого в «техническом смысле», форма подписки должна быть иной, утверждающей принцип единомыслия и сотрудничества на основе стремления защищать интересы своего государства. Считал бы целесообразным предлагать вербуемому написать краткое заявление в Комитет с просьбой учсть и использовать его готовность к сотрудничеству при соблюдении его конфиденциальности».

Ниже мы приводим высказывания еще двух агентов. Пусть читатель простит нас, но, на наш взгляд, они любопытны и полезны особенно для молодых агентурристов, поэтому и даем их столь развернуто и подробно.

Характеризуя начальный период своего сотрудничества с КГБ, агент «Разумов» отмечает: «Естественно, что в то время не могло быть ясного понимания того, в чем именно сотрудничество может быть реализовано и насколько ценным для Комитета оно может оказаться.

Сам факт обращения за помощью от имени Комитета демонстрировал не только высокую степень доверия, но также и то, что сотрудники Комитета усмотрели во мне единомышленника. Считаю единомыслие при сотрудничестве критически важным для его успеха. Хотя у меня в то время не было никакого представления о методах работы Комитета, существовало вполне ясное понимание важности для нашего государства выполнения Комитетом задач разведки и контрразведки.

Начавшись, сотрудничество с Комитетом постепенно углублялось и приносило все большее удовлетворение от сознания того, что мои усилия могут в какой-то степени содействовать Комитету в выполнении этих задач».

Далее агент излагает свое понимание и значение негласного сотрудничества с органами КГБ, делится другими соображениями. «С субъективной точки зрения, Комитет государственной безопасности традиционно обладает огромным преимуществом по сравнению с любыми другими государственными учреждениями в СССР. Оно состоит в особом месте и специфической роли КГБ в обществе, которые определяются как качеством работающих в нем людей, так и способностью Комитета к самоочищению.

В течение многих лет прогрессирующей политической деградации советских госучреждений, коррупции в госаппарате только КГБ, в силу своей специфической предназначенностии, сумел сохранить в кадрах наиболее честных людей.

Многолетний личный опыт общения с кадровыми сотрудниками различных управлений Комитета однозначно продемонстрировал также их существенно более широкий, чем среди гражданских

лиц, кругозор, а также открытость и готовность их сознания к восприятию и анализу любой новости, мысли или идеи вне зависимости от их кажущейся малозначительности.

Примечательно, что по прошествии лет стало для меня очевидным и другое: во всех случаях при совместной работе офицеры КГБ проявляли при формировании заданий подход, обеспечивающий невыявление моей связи с Комитетом. Личный опыт показывает, что если сотрудники нашей контрразведки практически всегда действуют скрытно, через агентуру, то сотрудники разведки, хотя и стремятся к такой же скрытности, органически в гораздо большей степени подвержены выявлению противником. Этот порок закладывается и тиражируется из года в год уже при легализации наших разведчиков в советских учреждениях, используемых в качестве «крыши».

Опыт работы в госучреждении, а затем в течение ряда лет в одном из западных информационных представительств в Москве позволил мне в какой-то степени сформировать личное понимание интересов и методов работы разведки противника. Постепенно выработалось и «чувство границы» — определенная способность отличать безобидный вопрос иностранца от столь же безобидного вопроса, за которым стоит направленный интерес спецслужб. Жаль, что на выработку такого навыка ушли годы. Годы общения с западными журналистами помогли также выработать манеру поведения и общения, которая, несмотря на постоянные проверки со стороны противника установочных данных, позволяет подтверждать непричастность к Комитету и одновременно получать информацию,ющую представлять для него интерес.

Представляется, что каждый сотрудничающий с Комитетом по иностранным контактам должен стремиться к выработке собственных способов работы, однако подсказка со стороны кадрового сотрудника может существенно облегчить и ускорить этот процесс.

Во время длительной зарубежной командировки опыт сотрудничества с КГБ по линии контрразведки оказался бесценным. Так, не только характер задаваемых вопросов, но и построение разговора собеседником достаточно точно сигнализировали о том, выполняет он стандартную процедуру проверки биографических данных по поручению спецслужб или является ее сотрудником. Полученные в личных контактах данные вместе с уже имевшимися подтверждали связь или принадлежность человека к спецслужбам, а в некоторых случаях и позволяли устанавливать такую принадлежность.

Зарубежная работа осуществлялась в тесном контакте с Комитетом, главным образом с разведкой, однако именно опыт сотрудничества по линии контрразведки сделал его до какой-то степени эффективным».

А вот как оценивает установление, поддержание и развитие психологического контакта в процессе сотрудничества с органами КГБ агент «Тимофеев».

«Первый контакт с работниками КГБ у меня был в одной из ближневосточных стран, где я работал военным переводчиком. У

меня сложились особенно теплые отношения с одним из армейских офицеров страны пребывания, с которыми мы работали. Об этом узнал сотрудник КГБ. Он попросил меня познакомить его с этим офицером. Я выполнил его просьбу.

Однажды он спросил меня, сможет ли этот офицер работать на советскую разведку. Вопрос был столь неожиданным, что я растерялся и ответил, что не знаю. Далее мне было предложено сделать это предложение упомянутому офицеру. Я отказался, сославшись на то, что не смогу сделать этого правильно.

Моя реакция на данное предложение была близка к панике. Ничего подобного в жизни мне ранее не предлагали. Нельзя сказать, что отношение к КГБ стало к тому времени положительным, но не это сказалось на моей реакции. Как ни странно, возможность разрушить мой образ товарища, который уже сложился, как мне казалось, у моего знакомого офицера, была доминирующей в этой реакции. Мне казалось, что после такого предложения этот образ будет разрушен. Это ассоциировалось у меня с нарушением каких-то общечеловеческих принципов, принципов порядочности. Хотя нельзя сказать, что возможность помочь своей стране отвергалась мною полностью. Однако в тот момент упомянутые представления были доминирующими.

Мой отказ, кажется, был воспринят спокойно. Возможно, его ожидали. Это было перед самым моим отъездом в Союз. Но и после отъезда, когда я думал обо всем этом, больше всего меня угнетала возможность того, что офицеру-иностранцу все же будет сделано предложение о возможном сотрудничестве с нашей разведкой и это предложение будет в конечном итоге ассоциироваться у него со мной.

Постепенно мое отрицательное отношение к КГБ стало изменяться. Это происходило не только под влиянием времени, зрелости, но и под косвенным влиянием моих новых знакомых — работников КГБ. Я видел, что прежде всего все они порядочные люди с высоким чувством долга. Особые положительные эмоции в этом плане вызвал мой первый знакомый по загранице чекист. В нашей среде он считался образцом порядочности и чести. Мне думалось тогда, что, если в КГБ работают такие люди, как он, то жившийся стереотип представлений о КГБ не соответствует действительности.

Подсознательно отрицательный образ стал разрушаться, хотя положительный еще не был создан. Но однажды этот знакомый завел со мной разговор о возможном сотрудничестве с органами госбезопасности. Если бы это был не он, вероятно, я бы сразу отказался, так как, повторяю, отрицательный стереотип все еще срабатывал. Но это был именно тот человек, порядочность которого мною рассматривалась как эталонная. Тем более он привел мне примеры деятельности КГБ, которые меня удивили и которых я никак не предполагал. В основном деятельность КГБ у меня ассоциировалась, как и у многих, с разведкой и подавлением инакомыслия внутри страны. Поэтому я воспринял предложение о сот-

рудничестве, исходя из моих тогдашних представлений, как необходимость «следить» за кем-то и «доносить».

Разговор был откровенным, я мог задавать вопросы. Именно о своих сомнениях я и спросил, но получил ответ, что я не понимаю деятельность КГБ, что меня будут просить, если я соглашусь, не об этом. В разговоре вскользь упоминалась и вероятность какого-то материального поощрения за возможное сотрудничество. Но именно тогда я об этом не думал, так как в моем сознании происходило более важное — ломка моих представлений о КГБ. Этот человек своим положительным образом переломил окончательно в лучшую сторону начавшийся уже процесс разрушения стереотипа отрицательного отношения к КГБ. Личный пример и разъяснение деятельности органов безопасности решили все.

Необходимо также отметить, что время тоже внесло свои корректизы. У меня уже была семья, ребенок. Появилось чувство необходимости защищать моих самых близких людей. Это ощущение необходимости самосохранения от возможных катаклизмов вне и внутри страны, предотвращением которых занимается КГБ, также повлияло на разрушение старого представления. Ведь в ходе беседы я понял, что целью КГБ является предотвратить их, а в конечном итоге — сохранить наше государство, а значит, и мою семью. Кроме того, у меня возникло желание внести свой посильный вклад в это большое дело...

Однажды сложилась ситуация, когда у меня наступило полное моральное опустошение и крайняя физическая усталость. Все планы и надежды рухнули. Впереди не было никаких перспектив. Беседы по душам с оперработниками сделали свое дело. Я был благодарен КГБ за то, что он помог мне в трудную минуту. Появился новый образ организации — старший сильный и справедливый товарищ, покровитель, защитник. Появилось чувство спокойствия и уверенности в себе. Но оно не давало тем не менее повода для возможного злоупотребления этим доверием и покровительством.

У меня было не только чувство благодарности за столь радикальное изменение в моей жизни, но и стремление как-то отблагодарить, оправдать доверие, что я и старался делать своей работой.

Мое доверие и уважение к КГБ шли по нарастающей. И здесь опять-таки сказался положительный образ одного из сотрудников. Еще раз я убедился, что здесь работают обычные и порядочные люди, делающие одно большое дело. Но не только это оказалось на меня большое воздействие. Меня удивляли его внимание, тактичность, культура взаимоотношений. Было необычным то, что обо мне думают, заботятся, прислушиваются к моему мнению. Меня стали рассматривать как личность и соответственно относиться. Для меня это было ценнее всего.

Начав работать в иностранном корпункте, я был полон энтузиазма. Привлекала новизна работы, еще не было «шишек», которые я набил позднее от общения с иностранцами изо дня в день. Работать старался на 100 процентов. В общении с иностранцами старался быть одинаковым и ровным со всеми. Видел в них не только идеологических противников, но и просто живых людей с

их проблемами и радостями. Соответственно на этом и строил взаимоотношения: интересовался делами, сочувствовал, советовал или просто разделял их радость.

В моей работе с КГБ тоже все было хорошо. Но постепенно что-то стало меняться не в лучшую сторону. Сначала я даже не отдавал себе в этом отчета, но со временем стал ощущать это, хотя и не сознавая еще причин.

Вроде бы все было нормально. Но постепенно в моих отношениях с руководителем, а также с КГБ, так как не в нем была склоннее всего причина, а во мне, появилась определенная нервозность. Долго не мог понять, что же происходит, в чем дело. Потом я стал замечать, что при встречах с оперработником я вольно или невольно стараюсь представить себя в положительном свете. Я предполагал, что отношение ко мне хорошее, но старался все время улучшить его или просто сохранить на определенном уровне, стал делать это уже сознательно. Я стал уделять внимание своему образу. Во время наших встреч и разговоров я сообщал факты, которые характеризовали меня с положительной стороны. Иногда это становилось каким-то хвастовством. После того как это происходило, у меня оставалось тягостное чувство. Появился какой-то внутренний разлад и, как следствие, какая-то искусственность в отношениях.

Только гораздо позднее я, наконец, понял причину происходящего. Я не хочу сказать, что это типично. Все люди разные, с разными представлениями, темпераментом, образом мышления. Но, как мне кажется, есть нечто общее для всех, кто работает с иностранцами.

На советских сотрудников, работающих с иностранцами, оказывают воздействие несколько факторов. В результате определенной государственной политики, которая существовала ранее, все иностранцы рассматривались как агенты иностранных разведок, а советские граждане, имеющие с ними контакт, — как потенциальные агенты противника. Поэтому относиться к ним следует с осторожностью, с повышенной бдительностью.

Работая с иностранцами, советские люди подсознательно всегда помнят об этих двух отрицательных образах, сформированных прежними годами и прежней политикой: иностранец — агент спецслужб, то есть враг, и КГБ — карающий орган. Вследствие этого советские сотрудники не доверяют друг другу, стараются держаться от иностранцев на расстоянии, особо «не высвечиваться» в работе и общении с ними. Поэтому всякий, кто хоть как-то выделяется в этом плане, становится подозрительным, нелояльным.

Вот это и стало причиной, как я понял позднее, изменений в моем поведении и взаимоотношениях с КГБ. Вот это-то и было той основной причиной сбоя в моем поведении. Я стал бояться, что эта неправильная интерпретация одного или, еще хуже, нескольких людей создаст неправильное представление обо мне у работников КГБ. Мне же хотелось, чтобы КГБ имел объективный образ. Для меня это было и остается очень важным моментом в наших взаимоотношениях. Так как у меня сложился положительный образ КГБ, даже, более того, образ старшего товарища, который

не только помог мне в трудную минуту, но и занят очень важной работой — проблемой выживания нашего государства, я не мог допустить даже мысли о том, чтобы ответить неблагодарностью или, хуже того, обмануть его.

Может быть, здесь есть и доля вины моего руководителя. При наших встречах он меня внимательно выслушивал, но не давал основного: я не видел, как КГБ относится ко мне, доверяет ли по-прежнему, изменилось ли у него отношение ко мне вследствие моих каких-то неординарных действий, не осуждаются ли они. Поэтому я и старался объяснить мотивы тех или иных шагов. Это выглядело каким-то оправданием, а это уже было очень тяжело для меня. Я не хотел оправдываться, так как ничего предосудительного не совершил, но был вынужден делать это из-за боязни потерять доверие. Я ощущал какой-то вакuum вокруг себя и своих действий. Состояние это усугублялось, я не решался говорить об этом, считая, что не имею права, а это было ошибкой. Вот и получилось так, что у меня постепенно появилась неуверенность в собственных действиях. Творчество в этом плане стало сдерживаться уже мною самим. Я стал побаиваться как творчества, так и неординарных действий, их неправильной интерпретации.

Подытоживая, можно сделать вывод, что основной причиной уже упомянутого сбоя во взаимоотношениях была боязнь потерять доверие КГБ, а это могло произойти лишь в результате появления отрицательного отношения ко мне вследствие неправильного понимания или умышленно неправильной интерпретации моих действий.

Что же последовало за появлением у меня такого ощущения дискомфорта? Для КГБ, по-видимому, процесс протекал вполне нормально. Он не видел, как я полагаю, причин для беспокойства. Для меня же отсутствие обратной связи в наших взаимоотношениях в конечном итоге подействовало угнетающе, сказалось на моей работе, ее результативности. Вместо того чтобы думать о главном, я невольно стал распылять свои силы на какие-то мелочи, просто ненужные вещи.

Такое «зависание» могло бы рано или поздно иметь и худший результат. Оно могло бы привести к разочарованию во взаимоотношениях. Что, мол, я нужен только как инструмент для получения информации, что я «пешка», которую умело передвигают в собственных интересах. А это в конечном итоге после осознания такой вероятности могло бы не только ударить по результативности работы, но и привести к утрате теперь уже моего доверия к КГБ.

Что же необходимо, чтобы взаимоотношения между кадровым и внештатным сотрудниками КГБ не омрачались подобного рода сбоями? Скорее всего, здесь необходимо учитывать целый ряд факторов. Безусловно, следует принимать во внимание психологические особенности каждого внештатного сотрудника, его темперамент, творческий потенциал и т. д., то есть строить работу индивидуально. Но есть и общие принципы, которые можно использовать в работе со всеми.

Это прежде всего наличие личного контакта; по возможности открытость во взаимоотношениях, в рамках допустимого; построение отношений на взаимном уважении и равноправии, то есть равные партнеры, которые делают одну общую большую работу, а не начальник и подчиненный, тем более не «приказчик» и просто «инструмент» для получения информации; использование «человеческого фактора» во всем его многообразии.

Но самым главным, на мой взгляд, является наличие полного доверия друг к другу. Без этого не сработает ни один из указанных принципов и факторов. Человек должен четко и с самого начала знать, что ему полностью доверяют. Это должно быть сделано в самом начале работы и таким образом, чтобы в дальнейшем уже не возникало каких-то сомнений на этот счет. Необходимо четко определить генеральную линию, конечную цель взаимной деятельности, одновременно оставляя простор для творчества и инициативы, не ограничивая общую работу узкими рамками мелких постоянных замечаний и одергиваний. Необходимо убедить человека, что ошибки при поиске нового не будут наказуемы. А если все же они и произойдут, мы проанализируем их вместе. Следует поощрять, стимулировать поиск новых, более эффективных средств и путей для достижения конечной цели, постоянно поддерживать стремление к этому путем создания положительных эмоций, что достигается просто похвалой, добрым словом, если есть определенные достижения, удачи. Если же есть промахи, боязнь наказания не должна висеть дамокловым мечом, ее просто не должно существовать. Но этого можно достичь, как я уже сказал, только через взаимное доверие.

Проблема взаимопонимания и взаимного доверия становится еще более актуальной в современных условиях, когда страна занята коренной перестройкой всех сфер нашей жизни, когда еще острее ставится вопрос об эффективности работы. Актуальность этой задачи возрастает еще и потому, что обеспечение безопасности и охрана созидательной работы всего нашего сообщества приобретают еще большую значимость в условиях активизации на данном этапе всякого рода враждебных элементов.

Недооценка этой проблемы и, как следствие, отсутствие практических шагов в этом направлении могут привести к целому ряду отрицательных последствий. Люди, которые оказывали какую-то помощь КГБ, могут от нее отказаться, если их опасение относительно того, что они являются «пешками», не будет рассеяно, либо свести свою помощь к минимуму, сделав ее, таким образом, чисто формальной. Это тоже, в свою очередь, чревато более серьезными последствиями: упущением фактов, сознательной или бессознательной дезинформацией. В свою очередь это даст искаженную картину ситуации, которая повлечет неправильные выводы и неверные действия, а это в конечном итоге может нанести большой ущерб державе.

И еще один момент из личного опыта. Определяя круг задач, конечные цели какой-то одной задачи, необходимо отказаться от «плановости» в подходе к получению информации. Что это такое?

Я имею в виду то, что были случаи, когда меня просили по возможности получить ту или иную информацию на встрече с иностранцами. Такую просьбу я воспринимал как приказ, не осмеливаясь его нарушить. Вот и старался выполнить то, о чем просили. Но это старание приносило чаще больше вреда, чем пользы. Дело в том, что ситуация или ход беседы иногда складывались не так, как хотелось бы. Конкретная просьба об информации просто не вписывалась в ситуацию, а я, помня о просьбе, начинал искусственно ломать ее для перевода в другое русло, для получения информации. Как ни старался я делать это незаметно, все равно иностранец мог уловить это изменение. И весь этот подготовительный этап рушился у тебя на глазах. В результате не удалось получить нужную ценную информацию и рушилась та основа, которая была заложена для ее получения. Результат не только нулевой, но и, что еще хуже, со знаком «минус».

Приведенные нами заметки агентов — лишь часть начатого поиска наиболее оптимальных направлений совершенствования агентурной работы. Следует также подчеркнуть, что наши помощники проявляют естественную озабоченность публикациями в советской прессе, касающимися деятельности органов КГБ в прошлом и настоящем. Агентура из журналистов проявляет заинтересованность в получении эксклюзивных материалов для подготовки статей о работе КГБ. Высказываются мысли о необходимости осуществления крупных контрпропагандистских мероприятий, которые включали бы: проведение пресс-конференций с участием сотрудников КГБ, брифинги руководителей КГБ, посещение советскими и иностранными журналистами одного из зданий КГБ, публикации статей, отражающих чекистские традиции и создающих позитивный имидж деятельности КГБ по разоблачению и пресечению подрывных акций спецслужб иностранных государств против Советского Союза.

Эти вопросы агентура ставит в один ряд с проблемой их правовой незащищенности.

Наиболее остро агенты фиксируют расширяющиеся масштабы ведения противником разведки с легальных позиций. Процессы, происходящие в нашей стране, возможность доступа к любым источникам информации в значительной мере способствуют расширению использования иностранных журналистов для сбора интересующих спецслужбы противника сведений. В этой связи агенты, непосредственно сталкивающиеся с данной проблемой, ставят вопросы о противодействии легальной разведке. Очевидно, настало время совершенствовать систему общегосударственных и контрразведывательных мер по противодействию этому виду разведки противника.

ИСКАТЬ НОВЫЕ ПОДХОДЫ

(К вопросу о доверенных лицах органов КГБ)

Полковник И. ЛЕГАН,
кандидат юридических наук, доцент,
майор В. ДИНАЕВ,
майор В. ШМАТКО

В указании КГБ СССР № 49cc от 14 октября 1988 года отмечается необходимость уделить самое серьезное внимание работе с агентами и доверенными лицами, привести ее в полное соответствие со складывающейся политической и оперативной обстановкой, характером происходящих в советском обществе процессов.

В целях изучения состояния работы с доверенными лицами органов КГБ и выработки предложений и рекомендаций по ее совершенствованию в 1987—1989 годах проведен анкетный опрос руководящего и оперативного состава КГБ Калмыцкой АССР, УКГБ СССР по Астраханской, Волгоградской, Куйбышевской, Пензенской, Саратовской и Ульяновской областям (всего опрошено более 240 сотрудников). В результате анализа полученных данных было еще раз подтверждено, что работа с доверенными лицами является не только средством агентурно-оперативной деятельности, но и одной из форм опоры на трудящихся.

Сегодня институт доверенных лиц является многочисленным и активным отрядом добровольных помощников. Его численный состав в указанных органах КГБ в среднем в полтора раза больше агентурного аппарата.

Организация работы с доверенными лицами в основном осуществляется в рамках требований «Положения об агентурном аппарате и доверенных лицах органов КГБ СССР»¹. Вместе с тем имеется целый ряд моментов, препятствующих более полной реализации оперативного потенциала института доверенных лиц. К прямому нарушению существующего Положения следует отнести то, что в числе доверенных лиц много руководителей разного ранга.

Согласно приказу КГБ СССР № 00140 1983 года с ними должны поддерживаться деловые, официальные отношения. В отдельных органах КГБ численность таких доверенных лиц составляет примерно 20 процентов.

Не может способствовать повышению эффективности работы большая текучесть доверенных лиц. Значительная их часть привлекается для выполнения разовых поручений. По нашему мнению, одним из резервов повышения качества использования доверенных лиц является перевод сотрудничества на более стабильную основу, другим — повышение интенсивности работы с ними. Лишь

¹ См. приказ КГБ СССР № 00140 1983 года.

немногим более 20 процентов доверенных лиц представляют информацию в органы КГБ один раз в полгода. Если исходить из того, что согласно Положению доверительные отношения с советскими гражданами устанавливаются «главным образом в информационных целях», то сложившаяся практика по этому вопросу оставляет желать лучшего.

Проявляется робость в вопросе перевода доверенных лиц в категорию агентов, тогда как сам по себе этот институт представляет собой неплохую вербовочную базу.

Изучение показало, что примерно четвертая часть оперативных сотрудников считает недостатком в работе с доверенными лицами отсутствие регулярной связи с ними, научно разработанной и нормативно закрепленной системы их приобретения и использования. Многие предлагают более глубоко и всесторонне проверять и изучать советских граждан до установления с ними доверительных отношений. Высказываются предложения об организации централизованного учета доверенных лиц, упрощении порядка установления доверительных отношений вплоть до принятия решения каждым оперативным работником самостоятельно, без отражения этого факта где бы то ни было.

Большинство оперативных работников категорически высказываются против оформления доверительных отношений справкой. По их мнению, «это только засоряет литерные дела», в которых концентрируются справки об установлении доверительных отношений. В данном случае проявляется стремление оперативного состава к упрощению порядка установления доверительных отношений, которое неминуемо вступает в противоречие с предложениями усилить конспирацию в работе с доверенными лицами.

Внимательное и вдумчивое прочтение Положения в части, касающейся места и роли доверенных лиц в системе органов КГБ, открывает перед руководящим и оперативным составом широкий простор для проявления творческого подхода к организации работы с ними. Это обусловливается закреплением в Положении не строгого фиксированных организационных моментов, а только крайних отправных и конечных пунктов, более чем достаточных для инициативы и творческого поиска. Так, по решаемым задачам и направлениям использования доверенных лиц Положение предоставляет право как минимум использовать их «главным образом в информационных целях и для выполнения оперативных поручений органов КГБ, не требующих специального обучения и особых мер конспирации». А как максимум доверенные лица, участвующие в выполнении конкретных поручений длительное время и на конспиративной основе, могут быть завербованы в качестве агентов. Что касается обучения и воспитания доверенных лиц, то здесь должно соблюдаться единственное условие — не выходить за рамки выполняемого конкретного поручения.

В силу наличия и органического сочетания гласного и негласного начал в использовании доверенных лиц этот институт обладает универсальным свойством. С одной стороны, выступает средством агентурно-оперативной деятельности, а с другой — формой

связи органов КГБ с трудящимися. Такой универсализм позволяет использовать этот институт на всех этапах контрразведывательного процесса (от получения информации сигнального характера до участия в разработке объектов). Доверенное лицо может появиться в контрразведывательном процессе на самой его ранней стадии, и по мере изменения содержания отношений должна изменяться форма этих отношений, естественно, если в этом есть оперативная необходимость и конкретное лицо располагает нужными качествами и возможностями стать агентом. В случае же отсутствия одного из этих условий установленные отношения можно оставить на прежнем уровне без ущерба для дела. В настоящее время в агентурно-оперативной деятельности присутствуют две формы отношений — агентурная и доверительная. Оперативные работники подчас механически переносят организацию работы с агентурой на работу с доверенными лицами, что приводит к подмене агентуры доверенными лицами со всеми вытекающими отсюда отрицательными последствиями, существенно обедняет возможности института доверенных лиц.

Расширительный подход к нормам Положения о возможности использования доверенных лиц на конспиративной основе приводит к тому, что в ряде органов формируется «доверенно-информационный аппарат», параллельный агентурному. Часто доверенные лица привлекаются к проверке сигналов на конкретных лиц и работе по делам оперативного учета. В то же время они мало используются в работе по контролю за оперативной обстановкой, в проведении профилактических мероприятий и оказании положительного влияния на развитие процессов.

В целях приведения работы с доверенными лицами в полное соответствие с требованиями времени представляется целесообразным в нормативном порядке уточнить функции доверенных лиц и направления их использования, более четко определить порядок работы с ними на конспиративной основе и наметить меры, направленные на повышение ее эффективности и качества. В широком смысле разработка новых подходов к использованию доверенных лиц означает поиск концептуальных основ участия советских граждан в обеспечении безопасности Советского государства.

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ¹

Очерк

Полковник В. СКОМОРОХОВ

V

«Когда отбирают будущих космонавтов, то им дают пятьсот шестьдесят тестов. Пытаются заблаговременно изнутри увидеть человека — высветить его душу. Так почему мы будущих чекистов не так всесторонне изучаем изнутри — чем же они все-таки дышат? Почему, а?!»

НЕ СКРОЮ: МАЙОР Е. Ф. КОПЦЕВ КРЕПКО ОЗАДАЧИЛ МЕНЯ ЭТИМ ВОПРОСОМ, хотя и других вопросов, как говорится, «на засыпку» и «под дых» было предостаточно и к числу легких их нельзя было отнести. Человек проработает в органах несколько лет, и вдруг выяснится, что в лучшем случае он ни то, ни се, откровенный полупрофессионал, в худшем — человек, у которого проявляются черточки авантюриста.

«Разве может профессионал замазывать свои ошибки? Ведь В. И. Ленин говорил: «Исправленная ошибка исчезает. Неисправленная станет гнойной язвой». Разве может чекист упорствовать в ошибке, скрывать ее?» — говорил Евгений Федорович. По его твердому мнению, сегодня быть полупрофессионалом невыносимо стыдно. Не исправлять, замазывать свои ошибки — преступно. Ведь сегодня чекист должен иметь точное представление о своих сильных и слабых личных и профессиональных качествах. Одни развивать, совершенствовать, другие исправлять, вести упорнейшую борьбу за избавление от них.

Да, Е. Ф. Копцев прав: чекистская работа — штучная, ювелирная. Оперативный работник не может жить старым багажом, не обогащая, не освежая его. Только заведомые «бракоделы» пытаются всех «стричь под одну гребенку», подгонять все под старую схему. Каждодневная работа чекистов — это море индивидуальностей, и нет предела ее совершенствованию.

Майор Копцев считает: «Профессионала в себе можно выстроить лишь собственными руками. Для этого необходимо отаться от стереотипов, исключить инертность, леность мысли, мыслить самокритично. Самое трудное — переломить собственную психологию...»

«НЕИЗМЕННАЯ ЖИЗНЕННАЯ ПРОГРАММА МАЙОРА Е. Ф. КОПЦЕВА — ВЫКОВАТЬ СВОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ МАСТЕРСТВО...» Эти слова принадлежат начальнику его отдела подполковнику Юрию Петровичу Гаврилову. В них ключ к пониманию шкалы жизненных ценностей. Не о карьере печется опер-

работник. Конечно, со стороны человек видится полнее, глубже, многомернее. Натура у майора Е. Ф. Копцева и впрямь неугомонная, правдивая, деятельная. Порученное дело обязательно должно его зажечь, захватить. Совесть не позволит ему работать «от сих до сих». Чекист должен с головой погрузиться в дело, отдаваться ему без остатка. Нельзя выполнять задание индифферентно, с прохладцей, не вкладывая душевного порыва. Дело — прежде всего.

Председатель КГБ УССР генерал-лейтенант Н. М. Голушки рекомендовал:

— Присмотритесь к этому старшему оперуполномоченному. Перестройка каждому дала свой шанс. Вот майор Е. Ф. Копцев им всецело воспользовался... Впитал дух перестройки, живет по ее законам. Начал с себя, с ломки собственной психологии. Многое его в себе не устраивает, не удовлетворяет. Поэтому вопрос поднятия профессионального мастерства на новый уровень стал для него главенствующим. В Чернобыле, в ответственной зарубежной командировке он выдержал экзамен на чекистскую зрелость. Из него сформировался крепкий агентурист...

Как человек своего времени майор Е. Ф. Копцев — приверженец нового мышления. Это государственно мыслящая личность, неравнодушная, считающая своим кровным делом откликаться на происходящие события. Евгению Федоровичу до всего есть дело, его все касается, заботит, тревожит, волнует. Он стремится новые знания, новый опыт воплощать в конкретных заданиях, поручениях, в повседневной практике.

И еще — он интересен «лица необщим выражением», своей индивидуальностью. Вчера — студент, солдат, прапорщик, а сегодня — чекист... Он всегда сохраняет острокритическое, ироничное отношение к некоторым своим деловым и личным качествам. Не бегает человек от трудностей, не уклоняется от них, наоборот, испытывает, проверяет свои возможности.

САМОШЛИФОВКА — СТИЛЬ ЖИЗНИ МАЙОРА Е. Ф. КОПЦЕВА. Это его внутренний нравственный стержень.

Начальник отдела Пятого управления КГБ УССР подполковник Юрий Петрович Гаврилов многое мне прояснил:

— Когда решался вопрос о том, кого назначить на новый острый участок работы, на котором осуществляются контрразведывательные мероприятия по пресечению подрывных устремлений в среде молодежи на канале въезда в республику иностранцев, был назван и майор Копцев. Вначале рассматривались кандидатуры выпускников высших учебных заведений КГБ, журналистских, юридических факультетов университетов, а выдвинут был все же Копцев (с лесотехническим образованием).

В его пользу говорили профессионализм, постоянное стремление к самосовершенствованию, к повышению общей и политической культуры. Его предпочли еще и потому, что на всех доверяемых участках работы происходила полная активная реализация личности.

¹ Окончание. Начало см. в «Сборнике КГБ СССР» № 134.

Майору Евгению Федоровичу Копцеву на редкость повезло. Руководитель отдела Юрий Петрович Гаврилов — сам приверженец нового мышления, помогающего глубже понять особенности своего времени, остроту политического момента. Он авторитетен, подчиненным импонирует его способность мыслить широко, по-новому, современно, давать исчерпывающие ответы на острые вопросы. Но главное — начальник отдела умеет зорко видеть потенциальные возможности каждого сотрудника, видеть его перспективу, видеть его в развитии.

Евгений Федорович Копцев окончил Воронежский лесотехнический институт. Работал мастером на мебельном производстве. Один год служил срочную службу в Группе советских войск в Германии, там же продолжил службу прапорщиком.

За период работы в органах госбезопасности майор Е. Ф. Копцев приобрел определенные навыки и практический опыт, получил положительные результаты, которые стали возможными прежде всего благодаря неоценимой помощи, оказанной ему первыми наставниками.

Бывало всякое. На четвертом году службы в органах госбезопасности чекисту Копцеву пришлось участвовать в мероприятиях по пресечению негативной в политическом отношении деятельности одного из эмиссаров зарубежного религиозно-мистического центра. Профилактическая беседа велась в присутствии корреспондента одной из республиканских молодежных газет, который имел поручение подготовить по результатам этой работы статью контрпропагандистской направленности. От эмиссара были получены данные в отношении ряда инспираторов распространения религиозно-мистических вероучений в республике, но он категорически отказался писать об этом.

Отдельные эпизоды беседы скрытно записывались на бытовой диктофон, находившийся у оперработника во внутреннем кармане пиджака. Видимо, испытывая естественное волнение, оперработник в кульминационный момент нажал не ту кнопку. Это произвело ошеломляющее впечатление на эмиссара, но еще большее на Евгения Федоровича. Замешательство длилось всего несколько секунд. Чекист не растерялся, заметив, что в принципе письменной информации в данном случае и не требуется, поскольку его рассказ уже зафиксирован с помощью диктофона. После этого эмиссар сообщил еще некоторые необходимые нам данные. Конечно, это была случайность, однако мало ли подобных ситуаций в нашей повседневной работе.

Два года назад перед майором Е. Ф. Копцевым была поставлена задача осуществить вербовку агента из лиц, которые увлекаются нетрадиционными религиозными верованиями и на которых ориентируется противник. При подборе кандидата на вербовку чекисты в первую очередь исходили из того, что он должен быть авторитетом в этой среде, располагать возможностями по выявлению устремлений зарубежных неомистических центров к единоверцам в республике, оказывать выгодное нам воздействие на свои связи. Этим требованиям, по предварительной оценке, мог

удовлетворять объект дела оперативного наблюдения «Фанатик», отбывавший наказание в местах лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ст. 209 УК УССР (посягательство на личность и права граждан под предлогом исполнения религиозных обрядов или иным предлогом).

Осуждение объекта явилось результатом реализации одним из УКГБ республики имевшегося в отношении его дела оперативной разработки. При подготовке вербовки принималось во внимание то обстоятельство, что «Фанатик» проверялся и разрабатывался по сигналам и делам оперативного учета больше пяти лет, был хорошо изучен, чекисты знали все сильные и слабые стороны его характера. Решили «запустить» еще один «пробный камень».

Дело в том, что в связи с осуждением объекта зарубежные идеологические центры, в том числе «Международная амнистия», развернули широкую кампанию за его освобождение, направив письма в различные инстанции республики и лично «Фанатику».

Через оперативные возможности «Фанатику» была высказана просьба подготовить для публикации в одной из республиканских газет ответ на письмо функционера «Международной амнистии», в котором содержались тенденциозные сведения о его осуждении. Такой ответ объектом был подготовлен и использовался в контрпропагандистских мероприятиях (опубликован в республиканской молодежной газете). Из ответа вытекало, что объект правильно понимает сложившуюся ситуацию, признает отчасти свою вину и твердо стоит на гражданских, патриотических позициях.

Из состоявшейся с объектом беседы Евгению Федоровичу стало ясно, что осуждения «Фанатика» вполне можно было избежать. Это крайняя мера, нужно же было совсем другое: в процессе ведения дела оперативной разработки оказать на него позитивное влияние, переубедить его. Но, к сожалению, в данном случае пошли по более легкому пути, не до конца исчерпали чекистские меры. Вероятно, здесь немалую роль сыграл бытавший в застойные времена количественный подход к оценке труда оперработника или целого коллектива.

В процессе последующих встреч с новым кандидатом на вербовку продолжалось укрепление психологического контакта, может, даже в ущерб получению от него какой-либо информации, так сказать, осуществлялось «привыкание» объекта к оперработнику, к мысли о необходимости постоянных контактов с ним. Для этого с «Фанатиком» устраивались целые дискуссии, в частности по существу проповедуемого им вероучения, о попытках противника использовать его и его приверженцев во враждебной нашей стране деятельности. В этих вопросах у оперработника и объекта находились общие точки зрения, что использовалось для закрепления психологического и оперативного контакта.

Таким образом, к процессу вербовочной беседы были морально подготовлены как оперработник, так и объект. В результате приобретен потенциально ценный источник.

В ПОВСЕДНЕВНОЙ РАБОТЕ Е. Ф. КОПЦЕВ СТРЕМИТСЯ БРАТЬ ПРИМЕР с начальника отдела подполковника Ю. П. Гаврилова, который является не только грамотным руководителем, но и хорошим товарищем, всегда готовым дать совет по любому вопросу. Юрий Петрович показывает сотрудникам пример в работе над собой и в поиске идей, способных дать системное, обобщенное видение оперативной работы, формировать неординарные, смелые предложения по нововведениям в чекистскую практику. Он является настоящим «генератором идей» в отделе, стремится привить подчиненным качества не только хороших практиков, но и глубоких аналитиков, способных решать вопросы, исходя из постановки больших, глобальных задач, осуществляя затем поиск путей их выполнения.

Можно сказать, что в лице Ю. П. Гаврилова, который лишь недавно стал начальником отдела, оперативный состав получил грамотного, мыслящего с учетом дальних перспектив, отлично подготовленного в профессиональном плане, широко эрудированного руководителя, по их мнению, настоящего «прораба перестройки» чекистской деятельности на порученном участке. Копцев узнал Юрия Петровича шесть лет назад, когда тот был начальником отделения, затем заместителем начальника отдела. Все достигнутое им стало возможным благодаря систематической, упорной работе Юрия Петровича над собой, постоянной неудовлетворенности достигнутым, жажде новых знаний, практического опыта, повышенной требовательности к себе в плане совершенствования аналитических навыков, расширению жизненного кругозора.

С этими мерками подходит Юрий Петрович и к воспитанию своих подчиненных, требуя всемерного развития самостоятельности в работе над собой, творческого отношения к делу.

— Перестройка начала ломку формировавшихся долгие годы стереотипов в нашем сознании и деятельности, — рассказывает Юрий Петрович. — Мы стали понимать, в частности, что причины негативных явлений в советском обществе, как в зеркале, отражающиеся в молодежной среде, кроются не только в подрывной пропаганде противника, но в первую очередь в недостатках, сложившихся за долгие годы сталинизма и застоя: в командно-административном стиле управления, расхождениях между словом и делом при решении социально-политических вопросов, низком уровне жизни советских людей...

Чего греха таить, ведь раньше чекисты боролись с такими «враждебными проявлениями» в молодежной среде, как увлечение рок-музыкой, подражание «хиппи» и «панкам», профилактировали молодых людей за те высказывания, которыми полны сегодня все наши издания периодической печати, за прослушивания песен В. Токарева и А. Розенбаума, занимались проблемами «ночного города», старались как можно больше «не допустить», «запретить», «сорвать», «разогнать» (как, к примеру, принимали меры для сры-

ва в 1984 году неофициального чемпионата страны по карточной игре «бридж» или фестивалей самодеятельной песни).

Расширительное понимание наших задач по ограждению молодежи от подрывных идеологических акций противника, по сути дела, приводило к тому, что мы не занимались решением своих прямых задач — противодействием реальному противнику, а делали то, что легче, исходили не из реальных конкретных задач, а из слабых возможностей. А в одном небольшом городском отделении, в районе с сельскохозяйственным уклоном, один из работников прямо заявил, что просто нечем заниматься, что он теряет свои профессиональные чекистские качества.

Значит, не все мы еще готовы к работе в новых условиях, не учтываем в должной мере тех динамичных процессов, которые происходят в нашем обществе, тех возможностей, которые открываются перед органами КГБ в связи со значительным расширением международных контактов, с активизацией использования противником этих изменений в своей подрывной деятельности против нашей страны. Показательны данные нашего источника, посетившего во время пребывания в США в прошлом году один из советологических центров, используемый для подготовки сотрудников спецслужб. «Из-за вашей перестройки у нас стало больше работы, увеличился контингент слушателей из ЦРУ», — так было заявлено источнику руководителем центра. Какая задача вытекает из этого для нас, чекистов, понять не сложно.

К НАШЕЙ БЕСЕДЕ О НЕОБХОДИМОСТИ ПЕРЕСТРОЙКИ ЧЕКИСТСКОЙ РАБОТЫ подключился и Е. Ф. Копцев:

— Действующий пока еще «механизм торможения», в том числе в чекистской работе, не позволяет в нужной мере использовать огромный потенциал оперативного состава в решении прямых задач, стоящих перед органами госбезопасности. До сих пор существует перегруженность оперативных подразделений второстепенными функциями. Обилие всевозможных нарядов, заданий, поправок к планам и мероприятиям, требующих немедленного исполнения, вызывающих распыленность, не позволяет пока в должной мере проявлять творчество и инициативу в работе. Нашим настоящим бичом стало подчас никому не нужное бумаготворчество, критикуемое «сверху», но по-прежнему оставшееся на местах. А чего стоит подготовка различного рода «вставок» в доклады или выступления руководителей, «добывание» по телефону той или иной информации из областных УКГБ, «причесывание» или «прилизывание» подготовленных документов? Мало того, что обилие всего этого не способствует их качественному исполнению, порождает поверхностность, оно прямо ведет к смешению приоритетов в оперативно-служебной деятельности, превращению оперработника из главного «добытчика» информации и ее реализатора в некоего бухгалтера.

ИЗ ВСЕГО МНОГООБРАЗИЯ ПРОБЛЕМ в ходе наших бесед майор Е. Ф. Копцев и подполковник Ю. П. Гаврилов чаще других

затрагивали проблему компетенции, соответствия профессионального, политического, общеобразовательного и культурного уровня сотрудников тем требованиям, которые предъявляются к чекистам сегодня. Работа над собой, самообразование, поиск научных идей, способных дать системное, обобщенное видение оперативной работы, формировать неординарные, смелые предложения по нововведениям в чекистскую практику, — все это имеется лишь в зародыше, не приобрело в сознании абсолютного большинства сотрудников значения сколько-нибудь важного фактора личной подготовки. Многие еще очень мало читают чекистскую литературу, чуть больше — публистику, да и то в основном газеты. В то же время, если не придать работе над собой системного характера, может возникнуть опасность того, что она превратится в «скользжение по вершкам», в приобретение только «надерганных» и поверхностных знаний.

К счастью, это хорошо понимает подполковник Ю. П. Гаврилов, который разрешил подчиненным еженедельно половину рабочего дня тратить на самостоятельное изучение чекистской литературы, актуальных материалов по молодежной и другой проблематике, публикуемых в органах печати. Кроме того, для проработки таких материалов в отделе созданы многочисленные подборки статей из прессы по самым разным темам, касающимся молодежи, — акции идеологической диверсии с использованием национализма, ревизионизма, клерикализма и неомистицизма, молодежные течения на Западе и в нашей стране, вопросы досуга и воспитания.

В отделе выписываются все молодежные газеты и журналы Украины, молодежные газеты Прибалтийских республик, некоторые издания для молодежи РСФСР и Белоруссии, тематические подборки статей о молодежи, подготавливаемые по результатам анализа всей советской прессы «Киевгорсправкой» (в Киеве существует такая форма подписки).

Эти материалы оказывают майору Е. Ф. Копцеву и его товарищам неоценимую помощь в том, чтобы всегда быть в курсе большинства молодежных проблем, возникающих не только в республике, но и в других регионах страны, научных разработок в этом вопросе, выявлять и определяться в дальнейшем использовании в общепрофилактических мероприятиях тех работников средств массовой информации, которые глубоко, серьезно и интересно трудятся в данном направлении. Такую форму работы не плохо бы взять на вооружение и другим подразделениям органов КГБ республики.

VII

«Я — АГЕНТУРИСТ», — ГОРДО ЗАЯВЛЯЕТ ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ. Поэтому все его усилия направлены на реализацию скрытых, не использованных резервов для подъема на новый качественный уровень агентурной работы. В своих помощниках он видит прежде всего единомышленников. И когда агент говорит привычно: «Угостите вкусной беседой», то это звучит как пригла-

шение к незавершившейся давней беседе по самым животрепещущим вопросам.

— Значит, человеку неудержимо хочется распахнуть всю душу, — говорит Евгений Федорович. — Она часто бывает «застегнута на все пуговицы». Но наступает момент, когда невмоготу удержать рвущиеся наружу сокровенные, выстраданные мысли. Это искусство — поддержать крик души своего товарища по работе, единомышленника. Надо в свою очередь быть предельно откровенным, душевным, интересным человеком. Мы, чекисты, и наша агентура — не бесстрастные фиксаторы событий, а живые, мыслящие, думающие личности. Прав тракторист с Житомирщины Киричук, сказавший нашему председателю генерал-лейтенанту Н. М. Голушки: «Вам, чекистам, надо открыто смотреть людям в глаза... Очи в очи!»

Немного подумав, майор Е. Ф. Копцев продолжил:

— Прав и генерал-майор Э. И. Ширковский, который высказался о порочной практике отдельных нерадивых агентуристов: «...Трясите дерево — что-то упадет! Надежда на авось, на удачу похожа на беспорядочную стрельбу, вслепую, да еще холостыми. Рикошетом цели не поразишь...» Ваш Сборник напечатал это. Действительно надо дать решительный повсеместный бой «беспорядочной стрельбе... холостыми! Если бить, так метко — в цель! Ведь мы, как правило, ведем борьбу за человека, даем ему уверенный шанс стать на правильный путь.

— Евгений Федорович, что ориентирует, поддерживает, окрывает Вас сегодня? — задал я последний вопрос.

— Новое время — новый образ жизни, новый образ мыслей. Зорче стало внутреннее зрение. Идет, говоря словами Льва Толстого, постепенное «выпрямление личности». Никак не обойтись без нового мышления, настроя на борьбу... Словом, заостряется политическая культура. Нелегко дается способность встать вровень с сегодняшними проблемами, овладение современными критериями. Личность каждого из нас сильна прежде всего способностью подчинить исполнению долга все свое существо, творческим самовыражением, максималистской требовательностью к себе. Сегодня чекист все чаще находится в центре внимания общественности. «Пенкоснимателю» сегодня делать нечего. Разглядеть завязь, росток нового дано не каждому, а тем более поддержать, взрастить росток нового. Нужен острый, пытливый взгляд, чуткая душа, богатый нравственный опыт. Ведь перестройка — плацдарм, на котором мы ведем бой сами с собой!

Верно подмечено: бой с самим собой... Невидимый, непримиримый, многотрудный. Да и победа тут многолика. Сколько препон, препятствий, в том числе психологических, следует преодолеть, сокрушить. Затяжной, многотерпеливый бой за себя, обновленного, очищенного.

Киев — Москва

ВНИМАНИЕ — «КОМПЬЮТЕРНЫЕ ВИРУСЫ»!¹

Предлагаемая статья посвящена проблеме «компьютерных вирусов» и является результатом работ, проведенных НИИАИ ОТУ КГБ СССР совместно с 12 отделом Шестого управления КГБ СССР. Материалы о «вирусах» в том виде, в котором они преподносятся средствами массовой информации, не дают реального представления о сути этой проблемы. В данной статье на основе анализа публикаций, а также исследований фактического материала делается попытка всесторонне рассмотреть проблему «компьютерных вирусов», механизм и каналы их проникновения в вычислительную систему, методы защиты от проникновения «вирусов» и от их разрушительных воздействий.

В настоящее время все большее значение придается обеспечению безопасности данных, хранимых и обрабатываемых в автоматизированных системах информационного обеспечения и управления (АСИО и АСУ), построенных на базе современной вычислительной техники. Накопленный в мировой практике опыт программирования и специфика программного обеспечения современных компьютеров допускают возможность создания и размещения в нем различного рода посторонних включений, в том числе разрушительной направленности.

Первые сообщения о программах разрушительной направленности, скрыто и преднамеренно внедряемых в различные функциональные программные системы, появились сначала на Западе, а затем и в нашей стране в конце 70-х годов. Эти программы, как правило, небольшого объема, обычно внешне не проявляют себя сразу и с трудом обнаруживаются во время проверок и испытаний систем, приводятся в действие в неожиданный для пользователя момент и могут нанести ощутимый вред вычислительной системе и процессу информационного обслуживания или управления. Авторы сообщений о случаях срабатывания подобных программ стремятся придать публикациям сенсационность, придумывают для них броские названия («программные ловушки», «троянские кони», «логические бомбы», «черви», «компьютерные вирусы»). По аналогии с техническими устройствами, скрыто внедряемыми в аппаратуру или другие конструкции, программные включения диверсионного назначения именуются программными закладками.

Программные закладки типа «компьютерный вирус» (далее по тексту «вирус») получили свое название благодаря наличию у них способности распространяться в программном обеспечении путем внедрения своей копии в тело других программ без нарушения до определенного момента времени их работоспособности, переносить себя с диска на диск и распространяться по вычислительным сетям. Это отличительное свойство «вирусов» называется тиражированием. Свойство тиражирования в программном обеспечении позволяет говорить о «компьютерных вирусах» как о

динамических, перемещающихся программных закладках в отличие от известных ранее статических (неперемещающихся). Тиражирование в сочетании с агрессивными проявлениями стало необходимым условием классификации той или иной программы в качестве «компьютерного вируса».

Агрессивные проявления «вирусов» на вычислительную систему так же, как и закладок других типов, могут различаться по степени ущерба (от безобидных проявлений типа выдачи на экран персональных ЭВМ шутливых сообщений до нарушения работоспособности вычислительной системы и разрушения баз данных). «Вирусы» могут скрытно и постепенно с нарастающим итогом уничтожать хранящуюся в вычислительной системе информацию или осуществлять свои действия сразу в максимально возможном объеме. Однако о программных закладках типа «компьютерный вирус» следует говорить только в том случае, если имеет место ее тиражирование в программном обеспечении вычислительной системы.

При бесконтрольном копировании программного обеспечения, имеющего в своем составе «компьютерный вирус», и его последующем использовании на других вычислительных установках может происходить многократное тиражирование этих программных закладок или, по выражению некоторых авторов, «заражение» программ «вирусом». Наибольшую «эффективность» программные закладки типа «компьютерный вирус» имеют по отношению к персональным ЭВМ (ПЭВМ) благодаря особенностям их «архитектуры», общей структуры программного обеспечения и простоте обмена программами между пользователями. Широко распространенное сейчас название «компьютерный вирус» подчеркивает высокие проникающие способности и скорость распространения программных закладок подобного типа. Все это позволяет считать «компьютерный вирус» программной закладкой нового вида, представляющей реальную угрозу для информационно-вычислительных систем (ИВС) и требующей к себе повышенного внимания специалистов по защите ИВС.

Первые сообщения о программных закладках типа «компьютерный вирус» появились в 1984 году в выступлениях участников седьмой конференции по безопасности информации, проходившей в США, и конференции ИФИП в Торонто. В них внимание специалистов обращалось на возможность создания программ для персональных ЭВМ, одной из функций которых являлось бы внедрение своей копии в текст других программ, без нарушения их работоспособности и выполнения других функций, в том числе разрушительной направленности. Однако в то время специалисты по безопасности не сочли проблему серьезной. Но уже в 1985 году стали появляться сообщения о фактах проявления «компьютерных вирусов» в ПЭВМ, а начиная с 1987 года количество таких сообщений резко увеличилось. Описание фактов «заражения» «компьютерными вирусами», в том числе с достаточно серьезными последствиями, практически не сходит последние годы со страниц западной прессы.

¹ Статья подготовлена коллективом авторов в составе полковника В. Полякова, майора Ю. Захарова, майора А. Сафонова, старшего лейтенанта С. Крутова и Е. Угриновича.

В начале 1988 года появились сообщения о проникновении «вирусов» в персональные ЭВМ Национального управления по аeronавтике и исследованию космического пространства (НАСА), агентства по защите окружающей среды и некоторых других правительственные учреждений США. Руководство НАСА было вынуждено обратиться в связи с этим в ФБР. Хотя потери правительской информации были незначительными, разрушение файлов вызвало задержку в разработке проектов, и потребовалось сотни часов для поиска лиц, виновных в проникновении программы-носителя «вируса» во все учреждения.

В связи с серьезными последствиями, которые могут вызвать «компьютерные вирусы», многие частные фирмы и государственные учреждения за рубежом проводят теоретические и практические работы по данной проблеме. С 1985 года действует запрет правительства США на распространение информации о «вирусах», введенный по инициативе военных ведомств из-за признания «вирусам» оборонного значения, а также в связи с планами создания на их основе нового диверсионного средства. Министерством обороны США начаты рассчитанные на четыре года научно-исследовательские работы по проблеме «компьютерных вирусов». По имеющимся в КГБ СССР данным, Агентство национальной безопасности и министерство обороны США с 1985 года проводят секретные разработки «компьютерных вирусов» в качестве нового высокоеффективного средства поражения вычислительных систем военно-эффективного назначения. Это создает угрозу целенаправленного привнесения «вирусов» в ЭВМ и программное обеспечение, закупаемые советскими организациями и учреждениями в обход «эмбарго».

Проникновение «вируса» в вычислительную систему может происходить по разным каналам. Потенциальными носителями «вируса» могут быть программы, приобретаемые или взятые во временное пользование либо передаваемые по линиям связи в сети ПЭВМ. Некоторые особенности современных вычислительных систем создают благоприятные условия для быстрого и широкого распространения «вируса» и проявления его разрушительных действий. К таким особенностям относятся: необходимость совместного использования программного обеспечения многими пользователями, его многократное копирование, создание большого количества локальных сетей ПЭВМ и особенности архитектуры ПЭВМ, в которых, в отличие от больших ЭВМ, отсутствует аппаратная защита памяти и пользовательская программа может задействовать неограниченный набор системных функций и иметь доступ ко всем областям памяти и системным устройствам.

Разрушительные воздействия «компьютерных вирусов», как правило, проявляются не сразу после их проникновения в вычислительную систему, а при наступлении определенных условий. Такими условиями могут быть соответствующее значение таймера, даты, дни недели, количество выполнений «зараженной» программы, количество тиражирований «вируса» и т. п. Определенные ус-

ловия могут стимулировать способность «вируса» тиражироваться в программы.

В общем виде механизм действия «вируса» следующий. «Вирус», являясь частью некоторой «зараженной» программы, при ее выполнении на ПЭВМ становится резидентным в оперативной памяти машины и остается там после завершения работы программы, содержащей «вирус». Это возможно благодаря тому, что в ПЭВМ нет разделения памяти между системными и прикладными программами и выделения специального приоритетного режима выполнения системных программ. Являясь резидентной программой и находясь по сути на уровне системных программ ПЭВМ, «вирус» имеет возможность контролировать работу машины и связанные с этим события. При вызове в память ПЭВМ каких-либо программ для их выполнения «вирус», находящийся там, дописывает себя в эти программы. Некоторые «вирусы» могут просматривать оглавления дисков, установленных на ПЭВМ во время присутствия «вируса» в памяти машины, и в момент обращения к дискам дописывать себя в программы без вызова их на выполнение. Дописываясь в программу, «вирус» производит настройку ее параметров загрузки таким образом, чтобы при запуске пораженной программы на выполнение первоначально выполнялся бы именно «вирус», а затем уже сама программа. При этом пользователь ПЭВМ до определенного момента видит только нормальное выполнение своей программы и поэтому не подозревает о содержащемся в ней «вирусе».

Имеются сведения о том, что «компьютерные вирусы» были обнаружены во всех основных типах персональных ЭВМ и мини-ЭВМ.

В 1987—1989 годах были зафиксированы факты появления «компьютерных вирусов» в СССР на ПЭВМ импортного и отечественного производства более чем на 70 объектах оборонных отраслей промышленности, Академии наук СССР и народного хозяйства, а также в подразделениях КГБ СССР. В результате анализа поступившей информации обо всех отмеченных случаях проявлений «вирусов» были выделены три типа «компьютерных вирусов».

Одним из наиболее часто встречающихся является «компьютерный вирус», имеющий длину 648 байт. Этот «вирус» внедряется в программы, которые имеют имя, заканчивающееся комбинацией символов «.СОМ». Агрессивные проявления этого «вируса» происходят при возникновении определенной комбинации младших разрядов таймера ПЭВМ в момент тиражирования «вируса» в очередную программу. Они заключаются в модификации программы таким образом, что ее запуск вызывает перегрузку операционной системы ПЭВМ.

Другой известный тип «вируса» имеет длину 1701 байт или близкую к ней и внедряется в программы, которые имеют имя, заканчивающееся комбинацией символов «.СОМ». Агрессивные действия — «сыпание» символов на экране монитора в нижнюю свободную строку через некоторое время после запуска «поражен-

ной» программы. «Осыпание» происходит с увеличением количества одновременно падающих символов и с блокировкой клавиатуры во время падения. По прошествии некоторого времени «вирус» вызывает перегрузку операционной системы. Разрушение информации данный тип «вируса» не вызывает. Агрессивные проявления происходят начиная с 20 октября 1988 года, что объясняет большое число случаев обнаружения этого «вируса» в период, следующий сразу за этой датой.

Третий тип «вируса», обнаруженный в СССР, имеет длину около 1820 байт. Этот «вирус» способен внедряться в программы, которые имеют имя, заканчивающееся комбинацией символов «.COM» или «.EXE». Агрессивные проявления — снижение производительности ПЭВМ, происходящее за счет собственной обработки «вирусом» прерываний по таймеру, а также разрушение программ на диске, которые пользователь пытается вызвать на выполнение 13-го числа какого-либо месяца, пришедшегося на пятницу. Таким днем в 1989 году будет 13 октября.

В ОТУ КГБ СССР имеются программы обнаружения и удаления данных «вирусов».

Описанные «компьютерные вирусы» являются программами зарубежного производства. Информации о проявлениях других типов «компьютерных вирусов» в СССР в настоящее время не имеется. Из литературных источников известно о существовании еще нескольких типов «вирусов», проявившихся пока только за рубежом и представляющих потенциальную угрозу для ПЭВМ в СССР, поскольку их появление можно ожидать и в отечественных вычислительных системах. Не исключена возможность также появления программных закладок типа «компьютерный вирус», авторами которых могут быть отечественные программисты.

Анализ фактов разрушительного воздействия «вирусов» выявил полную неготовность администрации и специалистов вычислительных центров к противодействию и локализации возможного ущерба. Так, материальные затраты на Владимирском тракторном заводе по обнаружению и нейтрализации «вируса» составили около 500 часов машинного времени и отвлечение от основной работы ведущих программистов завода более чем на 20 дней. Другим характерным примером является «заражение» в одном из НИИ в Ленинграде около 20 ПЭВМ, на которых разрабатывалось программное обеспечение, передаваемое многочисленным заказчикам.

Предварительный анализ поступивших в Шестое управление оперативных материалов показывает, что администрация и режимно-секретные органы предприятий и учреждений слабо информированы и не всегда своевременно разворачивали работы по организации противодействия проникновению «компьютерных вирусов» и их воздействию на вычислительную технику, обрабатывающую в том числе секретную информацию.

По нашему мнению, борьбу с «компьютерными вирусами» следует рассматривать как составную часть комплексных мероприятий по обеспечению безопасности информационно-вычислительных

систем. Она должна осуществляться в направлении уменьшения вероятности проникновения «компьютерных вирусов» в программное обеспечение вычислительной системы, проведения мероприятий по оперативной ликвидации последствий агрессивного действия «вирусов» и ликвидации самих «вирусов» в случае их появления в программном обеспечении. Все эти направления имеют в настоящее время одинаковую приоритетность.

По линии Комитета госбезопасности СССР проводится комплекс агентурно-оперативных мероприятий, направленных на выявление возможных каналов проникновения в Советский Союз «компьютерных вирусов», добывание конкретных образцов «вирусных» и «антивирусных» программ, а также установление причастности к этим фактам иноfirm, иностранных и советских граждан.

Возможными каналами проникновения «компьютерных вирусов» в программное обеспечение в системе КГБ СССР являются:

нарушение пользователями, программистами-разработчиками или обслуживающим персоналом установленного порядка получения и использования на ПЭВМ программных средств в действующих и разрабатываемых автоматизированных системах;

постановка на вычислительных средствах подразделений КГБ СССР программного обеспечения зарубежного (или отечественного, созданного вне подразделений центрального аппарата КГБ СССР) производства;

подключение вычислительных средств подразделений КГБ СССР к широкодоступным сетям или использование своих сетей, в которых есть возможность доступа к устройствам ввода со стороны посторонних лиц или подключение чужих вычислительных средств.

Для уменьшения вероятности проникновения «компьютерных вирусов» по первому каналу и сокращения ущерба при возможном появлении «вирусов» могут быть рекомендованы следующие профилактические меры, в целом традиционные для обеспечения безопасности АСИО:

организационно-кадровые мероприятия по отбору и контролю деятельности персонала вычислительных центров, разработчиков программного обеспечения и конечных пользователей, проводимые в целях тщательного отбора лиц, имеющих доступ к программному обеспечению и данным АСИО;

четкое разграничение боевого (переданного в боевую эксплуатацию, принятого на вооружение) и разрабатываемого программного обеспечения в целях ограничения и конкретизации лиц, имеющих доступ к боевому программному обеспечению;

строгий учет, регламентация и контроль доступа к носителям боевого программного обеспечения в целях исключения несанкционированного доступа к программам и данным;

упорядочение и строгий учет при выполнении процедур внесения изменений в боевое программное обеспечение и в подготовленный к боевой эксплуатации программный продукт на этапах их доработки и модификации, проводимые в целях исключения случаев несанкционированной коррекции;

выявление и тщательное изучение специалистами всех внештатных ситуаций, возникающих при эксплуатации программного обеспечения, с документальным оформлением результатов анализа, проводимые в целях оценки устойчивости программного обеспечения и своевременного выявления случаев проникновения или срабатывания возможных программных закладок.

Наиболее опасным в настоящее время является второй канал проникновения, так как в СССР широко используется зарубежное программное обеспечение. Это достаточно просто может быть использовано противником для организации попыток «заражения» применяемых в СССР программ. Кроме того, «компьютерный вирус» может быть внедрен через кооперативы и совместные предприятия, занятые разработкой программ и оказанием услуг в области вычислительной техники. Так, по поступившей из УКГБ по Харьковской области оперативной информации, при проверке пяти ПЭВМ, закупленных объектом Минобщемаша в декабре 1988 года в Москве через кооператив, в программном обеспечении на жестком диске одной из них был выявлен «компьютерный вирус». Персональная ЭВМ, в которой обнаружили «вирус», была единственной из закупленной партии, в которую программное обеспечение на жесткий диск заносилось в кооперативе.

Авторами программных закладок могут быть, как отмечалось выше, и отечественные программисты. В ходе проведения мероприятий по проблеме «вирусов» Шестым управлением КГБ СССР получены материалы о том, что один из ведущих программистов московского НИИ, интересовавшийся проблемой «вирусов» с 1986 года, в доверительной беседе со своим знакомым рассказал, что создал свой «вирус» для ПЭВМ «Роботрон-1715», для которой он разрабатывает программы. Мотивы своих действий он объяснял так: его задержали на службе, обращаются как с мальчишкой, не ценят его профессиональных способностей, а внесение неполадок в работу вычислительной системы потребует участия программиста в наладке ПЭВМ и повысит его авторитет. Подобными мотивами руководствовался и сотрудник вычислительного центра Волжского автозавода в городе Тольятти, создавая программную закладку, в результате чего в 1982 году произошло нарушение работы главного конвейера завода и предприятие понесло большие убытки.

Для обеспечения «противовирусной» защиты автоматизированных систем на канале поступления программных средств зарубежного и отечественного производства могут быть рекомендованы следующие меры:

опробование и проверку работоспособности новых программных средств проводить только на специально выделенной для этих целей вычислительной технике;

преимущественно использовать программные продукты, распространяемые через Фонд алгоритмов и программ КГБ СССР, разрабатываемые в подразделениях центрального аппарата КГБ СССР и приобретаемые официальным путем у фирм-изготовителей;

программные продукты, приобретенные иным путем, проверять на отсутствие в них «вирусов» известных типов с использованием

методик и рекомендаций ОТУ КГБ СССР (методики и рекомендации будут разработаны и направлены на места в 1989 году).

В настоящее время возможности проникновения «компьютерных вирусов» в АСИО подразделений КГБ СССР по третьему каналу весьма ограничены в связи с тем, что сетевые АСИО используются в системе КГБ СССР мало, причем только как сугубо локальные, не связанные с сетями других организаций.

При строгом соблюдении комплекса рекомендуемых мер можно существенно уменьшить вероятность проникновения «компьютерных вирусов» в вычислительную систему и осуществлять их ликвидацию до момента проявления «вирусом» агрессивных свойств.

Для оперативной ликвидации последствий агрессивного действия «компьютерных вирусов» на автоматизированные системы, реализованные на технической базе ПЭВМ, при их эксплуатации должны применяться меры и средства, позволяющие контролировать нештатные изменения программ и данных и восстанавливать их после разрушения с помощью копий.

Эффективная борьба с «компьютерными вирусами» возможна только при условии постоянного сбора и обобщения информации о них. В связи с этим необходимо оперативно информировать Шестое управление и ОТУ КГБ СССР о случаях выявления «компьютерных вирусов», характеристиках «вирусов», способах их обнаружения, вероятных источниках распространения, способах локализации и устранения последствий проникновения «вируса» в программное обеспечение, а также направлять материалы по новым типам «компьютерных вирусов».

ЗАЩИЩАТЬ ИНТЕРЕСЫ СТРАНЫ — НАШ ДОЛГ

Подполковник В. БАРСУКОВ,
подполковник В. ГОРБАТЬКО,
полковник И. САМАРСКИЙ

Новым элементом оперативной обстановки для Управления КГБ по Краснодарскому краю является начавшийся процесс прямого выхода предприятий и учреждений края на западные фирмы и создания совместных с ними предприятий.

Расширение прав предприятий при установлении прямых связей с зарубежными партнерами обусловило внесение необходимых корректировок в нашу работу. Направлены они в первую очередь на более тщательное изучение оперативной обстановки на предприятиях, вступающих в торговую и производственную кооперацию с западными фирмами, укрепление оперативных позиций путем вер-

бовок высококвалифицированных специалистов и должностных лиц, способных получать упреждающую информацию, предотвращать нанесение ущерба, оказывать влияние в выгодном нам плане.

О некоторых особенностях этой работы хочется поделиться с читателями Сборника.

Во время переговоров Краснодарского станкостроительного производственного объединения (КСПО) имени Седина Минстанкпрома СССР и западногерманской фирмы «Шисс» о создании совместного предприятия чекисты краевого Управления должны были решить, как своими специфическими средствамиказать помочь партийным, советским и хозяйственным органам, чтобы предотвратить возможное нанесение экономического ущерба советской стороне.

Фирма «Шисс», одна из авторитетнейших в области проектирования и изготовления металлообрабатывающих центров, в 1986 году дала принципиальное согласие на создание совместного предприятия и в то же время запросила технические условия, явно не соответствующие предлагаемым ею объемам работ. Как выяснилось, несмотря на это, администрация КСПО без согласования с Минстанкпромом направила на фирму документы, раскрывающие техническое состояние объекта и планы его социально-экономического развития до 2000 года. Кроме того, во время посещения объединения представители фирмы без всякой необходимости были ознакомлены с некоторыми приоритетными разработками.

Хотя в действиях представителей администрации умысла либо корыстных целей установлено не было, информацию по данным фактам Управление направило в крайком КПСС. Лица, виновные в нарушении правил работы с иностранцами, были наказаны в административном порядке.

Чекисты предприняли необходимые шаги для улучшения контрразведывательного обеспечения переговоров. В состав сотрудников создаваемого отдела международных связей включили агентов и доверенных лиц, укрепляли позиции и за счет дополнительных вербовок из тех должностных лиц, которые привлекались к переговорам. Главное внимание агентов обращалось на то, что их действия в процессе выполнения задания должны выглядеть естественными, соответствовать их служебному положению. Это обеспечивало достоверное и надежное прикрытие оперативных источников при установлении контактов с нужными иностранными специалистами.

После принятия некоторых мер удалось получить оперативные данные о стремлении «Шисс» навязать советской стороне невыгодное соглашение. Фирма отказывалась вкладывать материальные средства в совместное предприятие, выпускать на нем новейшие станки, намеренно затягивала сроки принятия решений, настаивала на продаже продукции совместного предприятия только на внутреннем рынке СССР и стран — членов СЭВ, что исключило бы поступление валюты, необходимой, в частности, для выплаты дивидендов фирме.

Добытые агентами «Ингой» и «Конструктором» сведения о тяжелом финансовом положении фирмы объясняли ее позицию на переговорах, продиктованную стремлением выйти из создавшейся ситуации за счет партнера, ясными становились и причины заинтересованности «Шисс» в сотрудничестве. Однако экстремальная техническая и технологическая обстановка в объединении и отсутствие возможности выбирать партнеров для участия в совместном предприятии вынуждали пойти на сотрудничество с «Шисс».

Своевременно доведенная до администрации КСПО информация о положении и планах фирмы позволила советской стороне выработать четкую линию на переговорах, побудила к продолжению контактов с фирмами «Карнаги» (Италия) и «Хомма» (Япония).

После приобретения в конце 1987 года фирмы «Шисс» западногерманским концерном Фонд «Лентьес» ее позиция на переговорах почти не изменилась: иностранцы настаивали на производстве станка устаревшей модели, вложении в качестве взноса в уставной фонд совместного предприятия лишь технической документации. Кроме того, выдвигалось условие, что поставленное фирмой оборудование должно быть оплачено взносом советской стороны в размере одного миллиона иностранных рублей.

Принять наиболее приемлемое решение помогли полученные от агентов «Володина» и «Инги» данные о том, что руководство Фонда «Лентьес» приобрело фирму «Шисс» для выхода на международный, в частности советский, рынок, используя для этого ее имя.

С учетом большой заинтересованности концерна в сотрудничестве с КСПО через оперативные и официальные возможности на очередном туре переговоров до западногерманской стороны была доведена информация о фирмах-конкурентах и о якобы ведущихся с ними переговорах по созданию совместного предприятия на более выгодных условиях. Так, агент «Володин» в неофициальной обстановке сообщил одному из руководителей концерна о поступивших от ряда фирм Италии, Франции и Японии предложениях создать на базе КСПО совместное предприятие.

Этим не ограничились. Во время посещения иностранцами объединения им показали станок, собранный с применением ряда комплектующих японской фирмы «Хомма», что не осталось без внимания. Познакомились представители «Лентьес» — «Шисс» и с защищенной патентом приоритетной разработкой объединения, позволяющей добиться уникальной точности обработки деталей. Это, безусловно, подтверждало потенциальные возможности КСПО как перспективного международного партнера.

Реакция иностранцев, которая фиксировалась при помощи агентов и оперативно-техническими средствами, оказалась позитивной, свидетельствовала о большой заинтересованности в сотрудничестве и готовности пойти на уступки. Действительно, вскоре западногерманская сторона изменила ряд прежних условий: согласилась на выпуск более совершенной модели станка, который будет изготавливаться совместным предприятием; обязалась осуществить

поставку оборудования за свой счет, что позволяло избежать валютных затрат. В июне 1988 года в Дюссельдорфе (ФРГ) уже на новых условиях были подписаны учредительные документы совместного предприятия «Седин—Шисс».

Необходимо отметить, что мероприятия по контрразведывательному обеспечению переговоров готовились и проводились с учетом имеющихся в информационной системе КГБ СССР данных о том, что спецслужбы ФРГ используют фирму «Шисс» во враждебной деятельности против СССР. Располагали мы и сведениями о причастности к спецслужбам одного из участвовавших в переговорах представителей фирмы «Франта». Добыты Управлением КГБ материалы в отношении иностранца подтвердили это. На «Франта» было заведено дело оперативной разработки с окраской «шпионаж». Характерно, что на переговорах именно он настаивал на включении в учредительные документы условий, позволявших фирме получить односторонние преимущества за счет Краснодарского станкостроительного производственного объединения имени Седина. Дальнейшая работа по объекту разработки предусматривает вскрытие и документирование конкретных фактов враждебной деятельности «Франта», направленной в том числе на дискредитацию совместного предприятия как формы экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами.

Таким образом, в процессе контрразведывательного обеспечения переговоров по созданию совместного предприятия удалось предотвратить нанесение экономического ущерба отечественному станкостроению и оказать содействие в заключении соглашения на выгодных для нашей страны условиях.

Кроме того, реализация с соблюдением необходимых мер конспирации оперативных мероприятий позволила укрепить деловые отношения с администрацией КСПО, придать им предметный и заинтересованный характер. Свидетельство тому письмо генерального директора объединения руководству УКГБ с выражением благодарности чекистам за помощь в организации и проведении переговоров по созданию совместного предприятия.

Приведем еще несколько примеров активного использования агентов в решении главной задачи — предотвращении нанесения экономического ущерба нашему государству, оказании содействия чекистскими средствами ускорению социально-экономического развития страны.

В шестой и Новороссийский отделы поступали оперативные данные о серьезных межведомственных разногласиях, недостатках в деятельности ряда организаций края при оформлении отгружаемой на экспорт нефти, об отсутствии порядка при ее учете и рассмотрении претензионных материалов, о несогласованных и безответственных действиях должностных лиц, что способствовало нанесению значительного экономического ущерба государству. Только в 1982—1984 годах через Новороссийскую контору «Ингосстраха» СССР по необоснованным причинам иностранным фирмам было выплачено штрафов на сумму более пяти миллионов долларов

США, недополучено около шести миллионов валютных рублей за вывезенную неучтенную нефть и два миллиона валютных рублей из-за ошибок при определении качества отгружаемого продукта.

Своевременное информирование партийных и советских органов, Северо-Кавказской транспортной прокуратуры позволило после энергичных административных мер по упорядочению правил учета и оформления экспортируемой нефти свести до минимума возможность нарушения экспортных поставок, предотвратить дальнейшие валютные потери. Активно использовались наши оперативные источники, контролировавшие, а в ряде случаев влиявшие на ход реализации намеченных мероприятий, помогавшие внести в них необходимые дополнения и изменения.

Примером целенаправленного и, главное, результативного использования оперативных возможностей служит опыт агента «Сергея», участвовавшего в переговорах Черноморского управления магистральных нефтепроводов с рядом западных фирм по вопросу приобретения оборудования для реконструкции экспортующей нефтебазы «Шесхарис». «Сергею» было дано задание выявлять попытки инофирм заключить невыгодные для нашей страны контракты, способствовать изучению и выбору наиболее передовых в техническом отношении предложений. Полученная агентом информация позволила перевести переговоры на конкурсную основу, сыграть на стремлении нескольких фирм заключить контракт. Таким образом удалось противопоставить друг другу проекты французской и западногерманской фирм. В результате конкурентной борьбы обе фирмы снизили предлагаемые ими ранее контрактные суммы, что позволило сэкономить государству полмиллиона американских долларов.

В 1987 году в Краснодаре во Всесоюзном научно-исследовательском и проектном институте по переработке газа проводилась приемка у консорциума «Лурги—Литвин—Лавалин» (ФРГ, Франция, Канада) окончательного проекта обустройства объектов первой очереди Тенгизского нефтегазового месторождения. От участвовавших в приемке внештатного сотрудника УКГБ Максименко, агентов «Парижанки» и «Перова», доверенных лиц стала поступать информация о выявленных ими серьезных ошибках и недоработках в проектно-технической документации, которые могли привести к дополнительным затратам финансовых и трудовых ресурсов, создать предпосылки к чрезвычайным происшествиям при эксплуатации Тенгизского газоперерабатывающего завода. При проведении оперативно-технических мероприятий нами были получены данные о том, что представители консорциума, включая руководителей, знали о необходимости значительной доработки проекта, несоответствии части оборудования и технологических процессов передовым достижениям в данной области.

Легализованные через агентов «Джамиля» и «Перова» сведения довели до руководства института и Главнефтегазопереработки Миннефтепрома СССР, что дало возможность, несмотря на давление со стороны консорциума, утвердить протокол приемки в вы-

годной нашей стране редакции, предусматривающий доработку проекта, а также в счет штрафных санкций за несоблюдение сроков контракта получить с иностранцев 400 тысяч инвалютных рублей.

В августе 1988 года при помощи кандидата на вербовку и доверенных лиц была сорвана попытка западногерманской фирмы «Шисс—Копп» нанести СССР экономический ущерб. Иностранные намеревались продать ейскому заводу «Полиграфмаш» фрезерно-шлифовальный станок с конструктивными недоработками, недоставить техническую документацию и отдельные комплектующие, затянуть сроки пуско-наладочных работ. Своевременно задокументированные факты несоблюдения контрактных обязательств были по инициативе наших доверенных доведены администрацией предприятия до посреднической фирмы «Станкофрез» и Минтяжмаша СССР. В результате советская сторона предъявила «Шисс—Копп» претензии на возмещение убытков и получила от фирмы более 50 тысяч инвалютных рублей.

В 1987—1988 годах английский филиал фирмы «Пьер Болл Техник» (Швейцария) осуществлял в рамках контракта поставку в НПО «Нефтегеофизприбор» Миннефтепрома СССР технологической линии по производству интегральных микросхем стоимостью более двух миллионов фунтов стерлингов. Как отмечали агенты «Золин» и «Годунов», получаемое объединением оборудование было укомплектовано не полностью, кроме того, иностранцы затягивали сроки его монтажа и наладки, недоставили оговоренную контрактом техническую и технологическую документацию. После легализации полученная информация была доведена до руководства НПО «Нефтегеофизприбор», однако оно в силу отсутствия достаточного опыта работы с иностранными партнерами и опасения «испортить с ними отношения» ограничилось фиксацией выявленных нарушений и подписало итоговый протокол о якобы выполненных инофирмой контрактных обязательствах, освобождая ее тем самым от юридической ответственности.

В создавшейся ситуации мы приняли решение информировать по данному факту партийные органы и Шестое управление КГБ СССР. Их оперативное вмешательство предотвратило нанесение советской стороне значительного экономического ущерба. В результате принятых мер иностранцы не только выполнили свои обязательства, но и продлили на девять месяцев срок гарантийного обслуживания всей технологической линии, бесплатно дополнили новейшее дорогостоящее электронное оборудование.

Агенты и доверенные лица Управления активно участвуют и в мероприятиях по добыванию научно-технической информации, представляющей интерес для народного хозяйства.

Так, агентом «Чайкиной» были получены данные о том, что один из специалистов фирмы «Трумпф», участвующий в шефмонтажных работах на ейском заводе «Полиграфмаш», при наладке лазер-пресса использует перфоленты электронных программ, которые он тщательно оберегает. При помощи доверенных лиц нам удалось конспиративно снять копии с перфолент и осуществить

распечатку программ. По оценке специалистов, они позволяют сократить срок наладки аналогичного оборудования в пять раз. Добытые материалы направлены в Управление «Т» ПГУ КГБ СССР для возможной реализации на предприятиях страны, успешно применяются они и на ейском заводе.

Эти примеры, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют, что целенаправленное использование опытных, инициативных, профессионально подготовленных агентов — одно из решающих условий выполнения стоящих перед Управлением задач по выявлению и пресечению попыток противника нанести СССР экономический ущерб, участию чекистов в реализации планов партии по перестройке в области экономики.

г. Краснодар

УМЕЛЫЕ ДЕЙСТВИЯ АГЕНТУРЫ ОБЕСПЕЧИЛИ УСПЕХ РАЗРАБОТКИ

Майор Г. ШАБЛОВСКИЙ

Оперативная обстановка в Хабаровском крае характеризуется ростом общественной инициативы. Возникло значительное количество различных групп, отдельные из которых, к сожалению, разделяют антисоциалистические идеи так называемого «Демократического союза». Естественно, что такого рода группировкам приходится уделять внимание, они находятся в поле зрения УКГБ. К ним, в частности, относится молодежное объединение «Трудодень», в состав которого вошли представители творческой интеллигенции и студенческой молодежи краевого центра. На квартире его лидера Ройтмана постоянно собирались до двадцати человек, обсуждавших вопросы внутренней политики. У некоторых из них в ходе дискуссий сформировалось убеждение о необходимости «смещения с политической арены Коммунистической партии, введения в стране всеобщей и полной демократизации, предоставления неограниченных возможностей частному предпринимательству».

Используя свою популярность в среде «неформалов», Ройтман пытался создать координационный центр самодеятельных объединений города и подчинить своему влиянию их лидеров. Он призывал использовать в борьбе с партийными органами «болевые точки» общества. Сильное негативное влияние на Ройтмана оказал вернувшийся из длительной поездки в Москву и Ленинград работник Хабаровского театра юного зрителя, ранее профилактированный органами КГБ, Боревич, который привез с собой мате-

риалы «независимой прессы», а также пакет документов «Демократического союза». Разделяя взгляды «ДС» и признавая в лице Ройтмана лидера, Боревич пытался склонить его к организации антиобщественных акций, направленных против партийных и советских органов.

Ройтман и его близкое окружение приняли решение создать организацию, сходную по своей структуре с «Демократическим союзом», на принципах строгой конспирации.

Со дня образования указанной молодежной группы ее деятельность контролировалась через агентов «Эбралидзе» и «Вихрова» и оперативно-технические средства. Помимо добывания информации о намерениях Ройтмана и его ближайших единомышленников агенты оказывали на них сдерживающее влияние, чтобы те отказались от проведения экстремистских акций.

При решении вопроса об использовании указанных агентов учитывались их возможности и личные качества. Так, при вводе «Эбралидзе», который пользовался авторитетом в творческой среде, учитывалось, что большинство членов объединения «Трудодень» составляют молодые литераторы и художники.

На одном из собраний координационного центра агент в соответствии с отработанной ему линией поведения выступил с призывом сосредоточить внимание самодеятельных общественных объединений на вопросах защиты окружающей среды, исторических памятников города, предложил обратиться в крайком комсомола с просьбой о выделении центру двух полос в краевой молодежной газете для молодых авторов. Расчет строился на том, что Ройтман искал возможность использовать прессу в своих целях, а авторитет и связи «Эбралидзе» открывали реальные перспективы для осуществления этих замыслов. Сразу же после выступления его познакомили с Ройтманом, и в дальнейшем агент быстро завоевал авторитет в объединении, стал «помощником» Ройтмана. Пользуясь этим, он проводил линию на осуществление гласных мероприятий, развитие творческой активности членов «Трудодня» в области литературы и искусства. В частности, агент неоднократно высказывал мнение о нецелесообразности проведения антиобщественных акций, которые могут повлечь запретительные меры со стороны властей и ограничение возможности публикации. Ройтман и его окружение прислушивались к мнению «Эбралидзе».

Для более глубокого изучения идеино-политической платформы объекта и его ближайших связей, осуществления эффективной работы по расколу группирования и направлению его деятельности в позитивное русло необходимо было ввести агента, который по своим личным качествам и занимаемому общественному положению смог бы оказать действенное влияние на Ройтмана и внутригрупповые процессы. Этим требованиям вполне отвечал агент «Вихров». Определенную сложность представлял этап его ввода в поле зрения Ройтмана. По заданию оперативного работника «Вихров» посещал бар «Молодежный», где часто собирались члены объединения, и привлек внимание объекта умением быть «дущими» объединения.

шой компании». До Ройтмана довели информацию о «Вихрове» как о человеке авторитетном среди «неформалов», «пострадавшем» за попытку организовать молодежную манифестацию для решения вопроса о создании общегородской студенческой газеты и студенческого городского совета как альтернативной комсомолу организации.

Личная заинтересованность Ройтмана в общении с авторитетным среди «неформалов» «Вихровым» позволила в короткий срок установить доверительные отношения с лидером. Выполняя роль «советника» Ройтмана, агент изучил сильные и слабые стороны его и других активных членов группирования, разобрался в межличностных отношениях и благодаря этому оказал желаемое воздействие на процессы социально-политической деятельности в объединении, ориентируя его членов на организацию позитивных мероприятий и отвлекая их тем самым от проведения антиобщественных акций. По инициативе «Вихрова» были установлены деловые контакты с редакцией газеты «Молодой дальневосточник», что позволило добиться предоставления газетной полосы для публикования произведений начинающих прозаиков и поэтов, организовывались литературные вечера, диспуты и другие подобные мероприятия. Учитывая тягу Ройтмана к литературно-публицистической работе, «Вихров» помог ему установить контакты с работниками средств массовой информации, посоветовал попробовать свои силы в журналистике и вообще сосредоточить внимание на творческой работе.

Под влиянием агента лидер объединения написал несколько статей, которые были опубликованы в местной краевой газете и получили положительную оценку. Под впечатлением успеха он серьезно задумался о переходе в журналистику, и такая возможность ему была предоставлена. Дальнейшее воздействие агента побудило Ройтмана оказать давление на Боревича, чтобы тот отказался от подготовки экстремистских акций. Это был позитивный шаг, если учесть, что Боревич готовил акции по распространению листовок провокационного содержания, материалы, компрометирующие партийные и советские органы, пытался спровоцировать стихийные митинги по вопросам «нарушения прав человека в СССР» и другие подобные мероприятия.

Таким образом, четкая, активная работа агентов «Вихрова» и «Эбралидзе» позволила внести раскол в лидирующую звено объединения, что в свою очередь вызвало отрицательное отношение Ройтмана и большинства членов объединения к экстремистски настроенному Боревичу и его сподвижникам. Их деятельность, по сути дела, была парализована.

Вместе с тем, лишившись поддержки большинства, Боревич с его откровенными претензиями на лидерство стал действовать более настойчиво, добиваясь реализации планируемых им акций политически вредного характера. Он и несколько его единомышленников образовали самостоятельную группу, полностью взяли на себя выпуск самиздатового журнала «Окраина», в котором публиковали материалы так называемой «независимой прессы». В

Москве и Ленинграде Боревич установил связи с представителями «Демократического союза», «Народного фронта» и других подобных им общественно-политических организаций, обменивался с ними соответствующей информацией и даже получал от них самиздатовскую литературу на подставные адреса, кроме того, вел переписку с инокорреспондентами. Разумеется, эту группу «отковавшихся» нельзя было оставить без оперативного внимания.

Было решено подключить к разработке группы Боревича агента «Балыбердина». Учитывая, что лидер и его единомышленники вели себя настороженно, опасаясь проникновения в свое окружение «людей КГБ», агент на первых порах от активных действий воздерживался. Следуя отработанной линии поведения, он при посещении бара «Молодежный» какое-то время старался не выделяться. Постепенно у агента с Боревичем установились приятельские отношения, что позволило ему быть в курсе замыслов экстремистски настроенного лидера.

Таким образом, удачно подобранный и своевременно введенная в самодеятельную организацию негативной направленности агентура влияния позволила надежно контролировать складывающуюся там обстановку, предотвратить формирование группы в рамках филиала «Демократического союза», своевременно получать упраждающую информацию и локализовывать готовящиеся акции антиобщественного характера.

Работа по оказанию позитивного влияния агентуры на процессы, происходящие в негативных группировках, продолжается.

г. Хабаровск

СЛЕДСТВИЕ И ДОЗНАНИЕ

ФРОНТ, НА КОТОРОМ НУЖНО ДЕЙСТВОВАТЬ АКТИВНЕЕ

Обзор редакционной почты

Коллегия КГБ СССР рассмотрела на своем заседании вопрос о мерах усиления борьбы с контрабандой. Редакция Сборника получила несколько статей по этому вопросу. Предлагаемый читателям обзор этих статей преследует цель распространить положительный опыт пресечения контрабанды на различных каналах следственными и оперативными подразделениями органов госбезопасности.

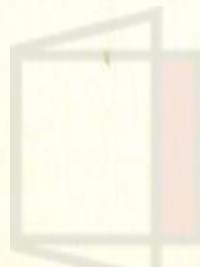
Заслуживает внимания опыт борьбы УКГБ БССР по Брестской области с «бесхозной» контрабандой. Об этом говорит в своей статье начальник следственного отдела областного Управления подполковник **В. Г. Слединский**.

За сутки через ОКПП «Брест» проходит 28 пассажирских и более 40 грузовых поездов. В течение года государственную границу здесь пересекает два с половиной миллиона человек. Для сокрытия крупных партий товаров и ценностей контрабандисты все чаще используют конструктивные полости вагонов пассажирских поездов, что обусловило в последнее время рост числа случаев «бесхозной» контрабанды (примерно 34 процента всех выявленных фактов уголовно наказуемой контрабанды).

В целях более эффективного досмотра поездов по инициативе Управления КГБ созданы поисковые группы из наиболее подготовленных сотрудников ОКПП и таможни. В их состав включена агентура. Сотрудники Управления инструктируют участников этих групп, обращая особое внимание на сохранение следов и других доказательств при обнаружении контрабанды; отработана система связи с дежурными таможни и УКГБ. Важное значение придается четкой организации работы групп в условиях дефицита времени.

Так как поезда загранследования стоят в Бресте в течение двух часов, досмотр подвижного состава осуществляется теперь сразу же после прибытия его на пограничную станцию, что позволяет при обнаружении предметов контрабанды до отправления поезда за границу произвести осмотр мест их сокрытия и принять меры для установления лиц, причастных к контрабанде.

В ходе таможенного досмотра поезда Москва—Вюнсдорф в купе одного из вагонов под декоративной планкой шторки окна сотрудники таможни обнаружили прикрепленные пластилином к стенке вагона золотые изделия на сумму 22 937 рублей. Ехавший

в этом купе за границу служащий Советской Армии Аршакян стал уверять, что обнаруженные ценности ему не принадлежат.

В процессе осмотра купе следователи выявили на поверхности декоративной планки пригодные для идентификации следы пальцев рук, а на планке, прикрывающей шторку, и на самой шторке — остатки пластилина черного цвета. Кроме того, были обнаружены шурупы, которыми планка крепилась к стенке вагона, мазки пластилина на полотенце и в сумке-визитке, а в чемодане — отвертка.

Специалисты установили, что пластилин, которым золотые изделия крепились к стенке вагона, следы пластилина на полотенце и в сумке-визитке, принадлежащей Аршакяну, имеют общую родовую принадлежность, а изъятой у него отверткой вывинчивались шурупы из планки. Позднее химическая и трасологическая экспертизы процессуально закрепили заключения специалистов.

Выводы специалистов и другие материалы дополнительной проверки послужили основанием для возбуждения против Аршакяна уголовного дела.

На допросах он продолжал отрицать свою причастность к сокрытию предметов контрабанды. Однако умелое использование следователем полученных доказательств в сочетании с внутrikамерной разработкой позволили получить от обвиняемого правдивые показания об обстоятельствах совершения преступления.

Веским доказательством виновности Аршакяна явились также результаты дактилоскопической экспертизы, по заключению которой выявленные на поверхности декоративной планки пальцевые отпечатки оставлены указательным, средним и безымянным пальцами руки обвиняемого. Полученные в ходе следствия доказательства покушения Аршакяна на совершение контрабанды в крупных размерах нашли свое подтверждение при рассмотрении дела в суде. Он был осужден.

В марте 1986 года сотрудники Брестской таможни обнаружили в межпотолочном пространстве туалета вагона Москва—Хук-ван—Холланд поезда Москва—Берлин четыре полиэтиленовых пакета и коробку из-под сигар, в которых находились более полутора килограммов гашиша.

Оперативно-следственная группа УКГБ в ходе осмотра предметов контрабанды выявила на полиэтиленовых пакетах и коробке пригодные для идентификации следы пальцев рук, а также изъяла винты крепления крышек люков, закрывающих доступ в межпотолочное пространство.

В вагоне находилось десять пассажиров: семь обучающихся в СССР иностранцев из развивающихся государств и три советских гражданина. В ходе досмотра их ручной клади в чемодане гражданина Ганы Кофи, студента Ташкентского политехнического института, был обнаружен и изъят полиэтиленовый пакет, из которого исходил стойкий специфический запах гашиша, а под матрацем — две отвертки.

Второе управление КГБ Узбекской ССР на запрос сообщило, что, по оперативным данным, Кофи приобретал наркотики и намеревался вывезти их для реализации в Западную Европу.

По факту обнаружения «бесхозной» контрабанды следственный отдел УКГБ возбудил уголовное дело.

При экспертном исследовании в полиэтиленовом пакете из чехолана Кофи обнаружили частицы гашиша, имеющие общую родовую принадлежность с гашишем, изъятым из тайника в туалете. По заключению экспертов-криминалистов, одной из отверток выворачивались винты крышек люков, закрывающих доступ в межпотолочную полость туалета.

Второе управление КГБ Узбекской ССР завело дело оперативной разработки на Кофи и ряд его связей. Все следственные действия проводились в тесном контакте с оперативными работниками.

В результате обыска по месту жительства Кофи (в общежитии) был изъят чемодан, в котором обнаружили частицы гашиша.

С учетом поведения Кофи, отрицавшего свою причастность к совершению преступления, на допросах избрали тактику предъявления ему полученных доказательств по мере нарастания их изобличительной силы. Умелое использование в ходе допросов заключений экспертов вынудило Кофи дать показания как об обстоятельствах приобретения и хранения наркотиков, так и о покушении на незаконный вывоз их за границу. Кофи сообщил, что приобрел гашиш в Ташкенте, и назвал свои преступные связи.

В ходе обыска по месту жительства Мусаева, одного из поставщиков наркотиков Кофи, в принадлежащем ему чемодане обнаружили остатки гашиша. Это обстоятельство и показания Кофи побудили Мусаева рассказать о приобретении им наркотиков и сбыте их Кофи.

Объективность показаний Кофи проверялась и другими следственными действиями. Так, Кофи заявил, что до выезда за границу хранил гашиш в акустических колонках бытовой радиоаппаратуры. В процессе осмотра колонок в них обнаружили остатки вещества растительного происхождения, которые, по заключению экспертов, представляли собой гашиш.

Дактилоскопическая экспертиза пришла к выводу, что следы пальцев рук на полиэтиленовом пакете и коробке из-под сигар, где хранились наркотики, оставлены Кофи.

Так удалось неоспоримо доказать покушение Кофи на незаконное перемещение через Государственную границу СССР наркотических веществ.

В связи с тем что приобретение и хранение наркотических веществ осуществлялись Кофи на территории Узбекистана, где проживали его преступные связи, уголовное дело передали для дальнейшего расследования в КГБ Узбекской ССР. В последующем Кофи и его преступные связи были осуждены к длительным срокам лишения свободы.

По мнению автора статьи, проблемны пока отдельные случаи, когда «бесхозная» контрабанда обнаруживается за несколько минут до отправления поезда за границу. Это делает практически

невозможными выявление и закрепление следов, сбор вещественных доказательств, проведение оперативных мероприятий в целях установления лиц, виновных в совершении контрабанды.

Опытом эффективного использования результатов анализа следственной практики в расследовании «бесхозной» контрабанды на морском канале делится бывший старший следователь УКГБ СССР по Ленинградской области майор **О. И. Виноградов** (в настоящее время сотрудник пресс-группы Управления).

Изучение успешно расследованных в прошлые годы уголовных дел о «бесхозной» контрабанде, по которым «хозяева» установлены, позволило следователям Управления выявить некоторые типичные признаки, характерные для действий разоблаченных преступников. В частности, обратили внимание на два момента: во-первых, в большинстве случаев тайники подбирались, приспособливались или оборудовались моряками в местах, закрепленных за ними в соответствии со штатным расписанием, или в местах, где они по роду службы проводили продолжительные по времени работы; во-вторых, доставленные из-за границы товары члены семьи контрабандистов и их близкие родственники реализовывали, как правило, по местам своего жительства или через комиссионные магазины. Эти лица обычно хорошо осведомлены о контрабандной деятельности моряков.

В дальнейшем результаты анализа нашли применение в практике расследования ряда конкретных уголовных дел, возбужденных по фактам обнаружения на судах «бесхозной» контрабанды. Одно из них автор приводит в качестве примера успешной реализации выводов исследования.

В августе 1986 года сотрудники ленинградской таможни во время досмотра прибывшего из загранплавания теплохода «Художник Репин» обнаружили укрытые в двух однотипных тайниках магнитофоны, наручные электронные часы и другие товары общей стоимостью 15 тысяч рублей. Тайники в двух нежилых помещениях судна представляли собой полости между шкафами и переборками, доступ в которые закрывался металлическими пластинами, крепящимися шурупами. По факту совершения контрабанды в крупных размерах сокрытием в специальных хранилищах возбудили уголовное дело.

Результаты осмотра хранилищ и их содержимого позволили выдвинуть версию о том, что тайники в разных помещениях судна оборудовала одна и та же группа лиц. Об этом свидетельствовали однотипность хранилищ, особенности их конструкции, делавшие затруднительной закладку в них предметов контрабанды в одиночку и за ограниченное время, большое количество и разнообразный ассортимент товаров, наличие в одном тайнике наручных электронных часов, в другом — элементов питания к ним.

Используя результаты анализа следственной практики, в ходе расследования уголовного дела приняли меры для выявления всех лиц, которые в течение последних двух лет отвечали за эти помещения на судне. В их числе оказался буфетчик судна Алексеев, без видимых причин списавшийся с теплохода в январе 1986 года.

Ушел с судна и третий помощник капитана Попов, с которым Алексеев находился в дружеских отношениях. Подозрение о возможной причастности Алексеева и Попова к совершению контрабанды усилилось после установления следствием фактов скупки ими в конце 1985 года за границей большого количества товаров, аналогичных изъятым из тайников.

Дактилоскопическая экспертиза установила, что пальцевые отпечатки на упаковках и поверхностях некоторых товаров,укрытых в тайниках, оставлены Поповым и матросом Петровым, близкой связью Алексеева.

Попову и Алексееву предъявили обвинение в совершении контрабанды, однако виновными они себя не признали. Необходимо было продолжить поиски новых доказательств.

Важную роль сыграли данные анализа о степени осведомленности и участия в преступной деятельности обвиняемых их близких родственников.

Сотрудники оперативного подразделения, проверявшие связи Попова и Алексеева, установили, что родственники обвиняемых в 1983—1986 годах систематически сдавали иностранные товары в комиссионные магазины Новгорода и Инты (Коми АССР), где они проживали. В основном это были электронные наручные часы и радиоаппаратура, аналогичные обнаруженным в тайниках на борту «Художника Репина». Количество реализованных товаров значительно превышало таможенные нормы. Следственные и розыскные действия осуществлялись в тесном взаимодействии с работниками ОБХСС органов внутренних дел.

Собранными доказательствами обвиняемые были изобличены в систематической спекуляции в особо крупных размерах. Установили, что в течение последних трех лет от перепродажи в комиссионных магазинах Новгорода и Инты Алексеев получил около 20 тысяч рублей, Попов — около 7 тысяч рублей.

Одновременно продолжался поиск оставленных на контрабандных товарах следов, указывающих на непосредственную причастность обвиняемых к совершению преступления. Так, следователь обратил внимание на едва различимые продольные царапины на вилке магнитофонного адаптера. Один из свидетелей пояснил, что Алексеев во время последних загранрейсов пользовался в своей каюте неисправной электрической розеткой, оставлявшей характерные следы на вилках электроприборов. Трасологическая экспертиза установила совпадение следов на вилке магнитофонного адаптера со следообразующей поверхностью розетки.

Последовательное предъявление полученных доказательств побудило Алексеева и Попова частично признать свою вину по бесспорно установленным эпизодам. Между тем возникло предположение, что на борту теплохода находится еще один тайник, не обнаруженный в августе 1986 года, так как количество элементов питания к наручным часам значительно превышало число самих часов. Стало известно, что Алексеев в камере рассказал о наличии на судне тайника с товарами, оборудованного Поповым вблизи ходового мостика. Вскоре Алексеев сообщил об этом на допросе,

но пояснил, что точное место хранылища ему неизвестно и о закладке в него товаров он знает со слов своего соучастника. Попов же категорически отрицал использование им еще одного тайника. Повторный осмотр судна исключался, так как теплоход находился в очередном плавании за пределами СССР.

Предположили, что, вероятнее всего, Попов приспособил тайник в своем рабочем помещении — в штурманской рубке. На одном из допросов как бы случайно сообщили о планируемом повторном осмотре этой рубки капитаном и представителями команды. После некоторых колебаний обвиняемый признал нахождение тайника в предполагаемом следствием месте и подробно описал его. Он находился между обшивкой и левой переборкой рубки за одним из приборов радионавигации.

Для осмотра тайника и изъятия находившихся в нем предметов по поручению следователя за границу был командирован опытный оперработник. Во время стоянки теплохода в Гамбурге он с участием капитана судна в присутствии понятых произвел осмотр и фотографирование обнаруженного хранилища, а протокол этого следственного действия вместе с изъятыми предметами в опечатанном ящике по каналам Минморфлота СССР направил в Ленинград. По рекомендации следователей контрабандные товары при изъятии не извлекались из кустарных упаковок, изготовленных Поповым. Делалось это в целях сохранения на поверхности товаров возможных следов, оставленных обвиняемыми. В протоколе осмотра эти упаковки были описаны по количеству, внешнему виду, размеру и весу. Общая стоимость изъятых из тайника товаров составила свыше 6 тысяч рублей.

На следствии обвиняемые Попов и Алексеев пояснили, что, стремясь избежать уголовной ответственности, прибегали к различным ухищрениям: заранее списались с судна, чтобы обеспечить алиби на случай обнаружения контрабанды; перед закладкой товаров в тайники их поверхности тщательно протирали чистой тряпкой. Однако полностью удалить пальцевые отпечатки на всех предметах им все же не удалось — они были обнаружены. Это лишний раз свидетельствует о пользе активного и системного поиска пригодных для идентификации следов.

По мнению автора, пример с расследованием уголовного дела на Алексеева и Попова показывает, что использование общих закономерностей в конкретной следственной ситуации позволяет сузить круг подозреваемых на начальном этапе следствия, более целенаправленно вести поиск доказательств, экономить силы и средства, сократить сроки следствия.

На примере расследования сложного многоэпизодного уголовного дела на группу контрабандистов и валютчиков начальник отделения следственного отдела УКГБ СССР по Ленинградской области подполковник **Н. Н. Автух** показывает способы и приемы, к которым прибегают преступники при совершении таких преступлений.

Уголовное дело было возбуждено в апреле 1985 года по материалам, поступившим из УКГБ УССР по Закарпатской области.

В конце февраля — начале марта 1985 года с интервалом в несколько дней работники таможни пограничной станции Чоп в вагонах поездов международного следования обнаружили в тайниках более 8 тысяч наручных электронных часов на сумму 55 тысяч рублей, незаконно ввезенных в СССР югославскими гражданами. На следствии иностранцы показали, что большая часть часов предназначалась жителям Ленинграда по имени Миша и Володя, через которых они сбывали товар. Установочных данных на них югославы сообщить не смогли.

Благодаря четкой работе оперативных сотрудников Выборгского райотдела УКГБ по Ленинградской области в поле зрения попали нигде не работающий, ранее судимый за нарушение правил о валютных операциях Михаил Дахья и официант ресторана гостиницы «Спутник» Владимир Тараканов. Их фотографии направили в Ужгород. Иностранцы опознали в них лиц, которые неоднократно заказывали им крупные партии электронных часов и рассчитывались в основном иностранной валютой. Однако еще до возбуждения в Ленинграде уголовного дела Дахья и Тараканов скрылись.

Их розыск и документирование преступной деятельности осуществлялись одновременно. К началу мая 1985 года были собраны доказательства совершения одной из валютно-спекулятивных сделок Дахьей, Таракановым, официантом ресторана «Тройка» Рогинским и четырьмя югославскими контрабандистами. Прокурор Ленинграда санкционировал арест Дахьи и Тараканова.

В ходе розыска преступников обратили внимание на внезапный отъезд из Ленинграда в Сочи сожительницы Дахьи Ефимовой, в багаже которой находилась дорогостоящая радио- и видеоаппаратура. Взаимодействуя со службой наружного наблюдения отдела УКГБ СССР по Краснодарскому краю в городе Сочи, ленинградские оперработники зафиксировали встречу Ефимовой с Дахьей и Таракановым и вместе с прибывшим из Ленинграда следователем арестовали последних в неожиданный для них момент. В тот же день задержали Рогинского. Обыски у преступников и их ближайших связей позволили изъять уликовые материалы.

Тем не менее арестованные на этом этапе правдивых показаний не дали. Дахья симулировал душевное заболевание. Следствие сосредоточило внимание на допросах свидетелей, анализе изъятых записей обвиняемых. Были получены доказательства противоправной деятельности Ефимовой, а также близкого знакомого Дахьи Васильева, у которого в гараже изъяли две тысячи электронных часов, крупную сумму валюты, огнестрельное оружие. К августу 1985 года следствие располагало многочисленными вещественными доказательствами, свидетельскими показаниями. Раскрытию преступлений стали активно способствовать Тараканов и Рогинский. О преступной деятельности Дахьи рассказали его соучастники Ефимова и Васильев. К этому времени была завершена назначенная в отношении Дахьи стационарная судебно-психиатрическая экспертиза. Она не установила у него какого-либо психического заболевания.

С учетом добытых доказательств разработали тактику допроса Дахьи. После ознакомления с заключением экспертизы ему стали предъявлять уликовые материалы. Убедившись, что следствие располагает вескими доказательствами его преступной деятельности, Дахья перечислил источники скупки им крупных сумм иностранной валюты, указал каналы реализации приобретенных на нее в магазинах «Березка» и у иностранцев промышленных товаров повышенного спроса. В частности, он назвал ряд подставных лиц, по чьим паспортам систематически сдавал радиоаппаратуру и часы в комиссионные магазины Ленинграда. В результате проверки магазинов установили 500 документов на реализованные товары, по которым Дахья получил 275 тысяч рублей.

Основными источниками поступления к Дахье иностранной валюты, как выяснило следствие, являлись официанты ресторанов системы Интуриста, фарцовщики, продавцы торговых точек фирмы «Березка», у которых он ее скупал.

Представляет интерес способ скупки Дахьей дефицитных радиотоваров и золотых монет в магазинах «Березка» Ленинграда и Москвы. В этих целях он регулярно посещал студенческие общежития и устанавливал «деловые отношения» с десятками обучающихся в СССР студентов и аспирантов из африканских стран. Получая через своих доверенных лиц сведения о времени и месте поступления в продажу радиотехники, пользующейся особым спросом, Дахья снабжал иностранной валютой своих, как он выражался, «черных рабов», каждый из которых в несколько заходов покупал 5—10 единиц аппаратуры. Дахья, не выходя из машины, принимал у них товар вблизи магазина. Его соучастники контролировали появление работников спецслужбы милиции, обеспечивая тем самым безопасность африканцев, у которых во въездных таможенных декларациях далеко не всегда была указана предъявляемая к оплате валюта. У этих же африканцев Дахья скупал аналогичные товары, закупавшиеся ими по его заказу во время каникулярных поездок за границу.

Общая сумма денег, товаров и ценностей, незаконно перемещенных с участием Дахьи через Государственную границу СССР, составила 1 миллион 20 тысяч рублей. В результате незаконных сделок он получил 525 тысяч рублей. Перед предъявлением Дахье окончательного обвинения следователи скрупулезно проанализировали каждый из 600 преступных эпизодов, исключив те из них, которые основывались только на показаниях обвиняемого и не подтверждалась другими доказательствами.

В преступную деятельность Дахья вовлек около 120 иностранцев и советских граждан. Из дела на Дахью и других в самостоятельное производство было выделено 19 уголовных дел.

По одному из них за получение взяток осужден сотрудник спецслужбы милиции Иванов, который в течение нескольких лет помогал Дахье избегать уголовной ответственности, скрывая поступившие на него материалы. Он же рекомендовал Дахье скрыться после задержания на границе югославских контрабандистов и в

дальнейшем в меру своей осведомленности информировал его о ходе розыска, некоторых методах работы органов КГБ.

Ленинградским городским судом Дахья осужден к 15 годам, а его соучастники — к различным срокам лишения свободы. В доход государства обращены изъятые у них ценности на общую сумму более 350 тысяч рублей. На основе материалов следствия и судебного процесса подготовлен и показан по телевидению шестисерийный документальный фильм «Приговор», вызвавший широкий общественный резонанс в Ленинграде и способствовавший повышению авторитета органов КГБ.

О некоторых вопросах борьбы с контрабандой наркотиков на советско-афганской границе рассказали в своей статье начальник следственного отдела КГБ Туркменской ССР полковник **В. М. Бойко** и старший следователь по особо важным делам того же отдела подполковник **В. Н. Батура**.

Усиление борьбы с наркоманией в Туркмении побудило лиц, занимающихся спекуляцией наркотическими веществами, искать пути их приобретения в соседнем Афганистане.

В марте 1985 года в Тахта-Базарское районное отделение УКГБ Туркменской ССР по Марыйской области от агентуры и доверенных лиц стали поступать сигналы о том, что жители поселка колхоза имени ХХII съезда КПСС Языев, Аганазаров, Тикиев и другие сбывают терьяк (опий-сырец), приобретенный у афганских граждан контрабандным путем. На Языева и других завели дело оперативной проверки «Наркоманы» с окраской «контрабанда». В ходе работы по делу выяснилось, что члены группы в ночное время на автомашине подъезжали к границе напротив афганского кишлака Чахроб и светом фар подавали сигнал. В ответ с афганской стороны зажигали костер. С выключенными фарами «Наркоманы» приближались к линии инженерно-технических сооружений, а афганцы, нарушив границу, подходили к ограждению с противоположной стороны и через проволочное заграждение перебрасывали свертки с наркотиками, получая взамен ювелирные изделия из серебра.

Выяснилось также, что одновременно с проверяемой действует вторая (связанная с ней) группа, состоящая из жителей поселка колхоза имени С. М. Кирова, которую возглавляет житель Ашхабада Экберов. В отношении членов этой группы завели дело оперативной проверки «Шакалы». Впоследствии оба дела объединили в дело оперативной разработки «Наркоманы». Предусматривалось реализовать разработку путем возбуждения уголовного дела. В связи с этим на ее завершающей стадии подключились следователи, которые вместе с оперативными работниками анализировали поступающую информацию, участвовали в планировании мероприятий, оказывали помощь в документировании преступной деятельности разрабатываемых.

15 декабря 1985 года от агента «Хантера» поступило сообщение о том, что 17—20 декабря «Наркоманы» намерены совершить очередную контрабандную сделку на левом фланге 9-й погранзаставы 68-го пограничного отряда. Учитывая, что к этому времени

большинство участников преступной группы удалось установить, приняли решение организовать засаду и взять их с поличным.

Вечером 20 декабря в сторону границы проследовала автомашина ГАЗ-24 без номерных знаков. После подачи световых сигналов из нее вышел мужчина и направился к линии инженерно-технических сооружений. Вскоре с сопредельной стороны туда же подошли два афганца. После взаимных приветствий участники сделки перебросили друг другу свертки. Пограничным нарядом советский гражданин был задержан. Им оказался упоминавшийся выше Языев. Афганцам удалось скрыться. В двух переброшенных ими пакетах находилось 385 граммов терьяка.

Следователь КГБ республики возбудил в отношении Языева уголовное дело по ст. 77 УК Туркменской ССР (контрабанда), и он был арестован.

На первых допросах Языев, не отрицая факта вступления с афганцами в преступную связь, заявлял, однако, что это была единственная его сделка. Следователь, хорошо зная по оперативным материалам особенности личности обвиняемого, сумел установить с ним психологический контакт и получить важные показания, изобличающие других участников преступной группы. Учитывая просьбу Языева не проводить очных ставок с соучастниками, его показания записали на видеомагнитофон. Видеозапись затем успешно использовалась на допросах других обвиняемых.

В процессе оперативной разработки, а затем и на следствии неоднократно возникал вопрос: как случилось, что в течение двух лет преступники действовали безнаказанно? В поисках ответа на этот вопрос установили и проверили все связи обвиняемых. Выяснилось, что Экберов знаком с начальником Тахта-Базарского отдела внутренних дел Какабаевым. Тщательное изучение оперативным и следственным путем отношений между ними подтвердило предположение об их преступном характере: уже во время первого знакомства Какабаев заверил Экбера, что подчиненные ему сотрудники милиции не будут препятствовать преступной деятельности контрабандистов, и получил за это взятку в сумме 2 тысяч рублей. В последующем Экберов и другие члены преступной группы регулярно давали Какабаеву взятки в виде крупных денежных сумм и дорогостоящих товаров, а тот помогал в сбыте наркотиков, выделяя сотрудников милиции для сопровождения контрабандистов. 12 мая 1986 года Какабаева арестовали.

Всего к уголовной ответственности было привлечено 16 обвиняемых, осужденных затем Верховным судом Туркменской ССР к длительным срокам лишения свободы.

Авторы статьи отмечают трудности, с которыми столкнулись следователи и оперативные работники. Так, конспиративный характер отношений между членами преступной группы потребовал значительных усилий для их установления. Многие из них уклонялись от показаний на главаря группы Экбера, принадлежащего к роду ишанов (религиозных авторитетов). Немало хлопот доставили свидетели — покупатели наркотиков, опасавшиеся привлечения к уголовной ответственности.

Материалы уголовного дела использовались на координационном совещании работников правоохранительных органов республики, по результатам которого Совет Министров Туркменской ССР принял постановление об усилении борьбы с наркоманией.

Опытом работы оперативных и следственных подразделений по возмещению материального ущерба, причиненного государству контрабандистами, делятся бывший начальник Особого отдела КГБ ССР по Туркестанскому военному округу генерал-майор **Г. М. Казимир*** и начальник следственного сектора этого органа подполковник **А. М. Левашов**.

Анализируя свой опыт, авторы выделяют следующие основные направления этой работы:

установление мест сокрытия денег и ценностей и процессуальное их изъятие;

принятие мер для возмещения обвиняемыми и их родственниками ущерба;

организация оперативно-следственных мероприятий с участием обвиняемых и их родственников в целях выявления соучастников преступления и возможных мест хранения денег и ценностей, нажитых преступным путем.

Характеризуя первое направление, авторы отмечают, что обнаружение сокрытых денег и ценностей производилось обычно в ходе обысков у подозреваемых, обвиняемых, их преступных связей. Реже данные о местах сокрытия ценностей становились известны в процессе допросов и других следственных действий.

Хороший эффект дает сочетание следственных действий и оперативных мероприятий. Так, по делу на бывшего помощника военного коменданта Кабульского гарнизона старшего лейтенанта Бережного и других лиц, изобличенных в контрабандно-спекулятивной деятельности, еще на стадии ведения дела оперативной разработки при помощи агентуры выявлялись места хранения ценностей, нажитых преступным путем. Это позволило затем в процессе расследования уголовного дела успешно провести большой объем различных следственных действий по возмещению причиненного государству ущерба. Всего по делу изъяли предметы контрабанды и наложили арест на имущество обвиняемых на сумму около 400 тысяч рублей.

Второе направление — убеждение обвиняемого, его родственников и связей в необходимости возмещения причиненного ущерба — реализуется обычно в ходе их допросов. Авторы рекомендуют постоянно, ненавязчиво, но настойчиво разъяснять положение закона о том, что добровольная выдача нажитых преступным путем ценностей рассматривается следствием и судом как активное способствование раскрытию преступления и является смягчающим вину обстоятельством. Эффективность этой работы повышается, если для убеждения родственников и ближайших связей обвиняемого привлекаются агенты и доверенные лица, пользующиеся у не-

* В настоящее время — начальник Особого отдела КГБ ССР по внутренним войскам МВД ССР.

го авторитетом. Данное обстоятельство следует иметь в виду оперативным работникам при инструктаже агентуры.

Немаловажное значение имеет правильное использование следователем тактических приемов работы с обвиняемым и установление с ним психологического контакта, что помогает в большинстве случаев успешно решить задачу по изъятию ценностей. Именно такой подход помог следователям склонить обвиняемого Агаджанова и его сообщников, занимавшихся контрабандой наркотиков, к добровольной выдаче сокрытых в тайниках ценностей на сумму свыше 200 тысяч рублей и части опия. В другом случае следователи учили национальные черты характера обвиняемых Гуляна, Шеверды, Керимова, занимавшихся контрабандой чеков «Внешпосылторга», проявляли во время их допроса максимум уважения и такта, терпения и выдержки. Такое отношение побудило обвиняемых к сознательному пересмотру своей позиции, обусловило переход от запирательства к откровенности, указанию мест сокрытия денег, нажитых преступным путем.

Особый интерес и вместе с тем сложность представляет третье направление работы — организация оперативно-следственных мероприятий с участием обвиняемых для выявления мест укрытия преступно нажитых ценностей и их изъятия. Условиями успеха при проведении таких мероприятий являются полное и чистосердечное раскаяние обвиняемых и добровольность их участия в мероприятиях.

Примером успешной работы является дело оперативной разработки «Шакалы» и уголовное дело на работников торгово-закупочной базы Управления торговли ТуркВО, которые за период с ноября 1984 года по май 1985 года незаконно переместили через государственную границу из СССР в Афганистан около 400 тысяч рублей, обменяли их в дуканах на равнозначную сумму чеков «Внешпосылторга», контрабандно ввезли эти чеки в СССР и перепродали по спекулятивным ценам, получив наживу в сумме 150 тысяч рублей.

Планом работы предусматривалось обнаружение и изъятие у обвиняемых преступно нажитых денег и ценностей. Обыски в домах преступников, их родственников и связей результатов не дали. Как стало известно впоследствии, о предстоящих обысках их предупредил бывший заместитель военного прокурора ТуркВО (уволен из органов прокуратуры), давший санкцию. Контрабандисты приняли меры к сокрытию денег и ценностей в других местах.

Работа по обнаружению мест сокрытия преступно нажитых средств велась в ходе допросов в основном методом убеждения, а также через агентуру. В целом она дала положительные результаты, и большинство обвиняемых указали, где и у кого они спрятали деньги и ценные вещи, а затем побудили этих лиц выдать их следствию в подтверждение своего полного раскаяния и тем самым возместить ущерб, причиненный государству.

Особого искусства потребовала организация с участием обвиняемых сложных агентурно-оперативных мероприятий и следственных действий для установления и захвата с поличным их со-

участников по спекулятивным сделкам, оставшихся на свободе и ранее не проходивших по оперативным и следственным материалам.

В частности, обвиняемые Алимжанов и Барагунов показали, что крупные суммы чеков у них скупали жители Москвы «дядя Володя» и Илья. Для встречи с «дядей Володей» Алимжанов и Барагунов летали из Ташкента в Москву, предварительно уведомляя его всякий раз по телефону условными фразами.

Следствие удовлетворило просьбу Барагунова и предоставило ему возможность провести под контролем телефонный разговор из Ташкента с «дядей Володей». Результаты этого следственного действия оформили протоколом проверки показаний обвиняемого на месте.

В контакте с УКГБ СССР по г. Москве и Московской области установили «дядю Володю». Им оказался некий Пирвердиев, пенсионер. Стал известен и Илья — Мошиашвили, старший научный сотрудник НИИ, доктор биологических наук. В ходе обысков на квартирах Пирвердиева и Мошиашвили обнаружили и изъяли деньги, облигации и другие ценности на общую сумму около 500 тысяч рублей. Обоих арестовали.

Всего по указанному делу в результате целенаправленной совместной работы следователей и оперативных работников у обвиняемых и их преступных связей было изъято и обращено в доход государства ценностей, денег и товаров на общую сумму 1 миллион 700 тысяч рублей, наложен арест на имущество на сумму 320 тысяч рублей.

ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНОВ ВЧК—КГБ

ПАМЯТЬ О ПРЕДСЕДАТЕЛЕ ВЧК — В НАШИХ СЕРДЦАХ

К 112-й годовщине со дня
рождения Ф. Э. Дзержинского

Старший лейтенант С. ВОЛКОВ

В одном из некогда глухих уголков Налибокской пущи, на берегу светлой речки Уса, в имении Дзержиново родился и провел детские годы человек, чьим именем с гордостью называют себя поколения чекистов, — Феликс Эдмундович Дзержинский, верный сын Коммунистической партии, выдающийся революционер, пламенный патриот и интернационалист, беспредельно преданный революции, беспощадный к ее врагам, высший смысл жизни видевший в неустанной борьбе за светлые коммунистические идеалы, за торжество ленинизма.

На родине «железного» Феликса в городе Ивенце Воложинского района Минской области создан и действует с 1957 года музей Ф. Э. Дзержинского. Благодаря усилиям энтузиастов и сотрудников музея во главе с его директором Н. С. Корнеевым частично воссоздана в качестве мемориала и филиала музея усадьба в Дзержинове, дотла сожженная и разграбленная фашистскими варварами в 1943 году. К 100-летию со дня рождения первого чекиста там установлен его бюст.

От мемориального комплекса к дому, где родился Феликс Эдмундович, ведет дорожка, вдоль которой выложены 49 камней-валунов, символизирующих количество прожитых им лет. Каждый последующий валун превосходит по величине предыдущий и говорит о том, что с каждым годом ему приходилось преодолевать все больше трудностей, решать все более сложные задачи и что каждый последующий его год был все более весомым.

Благодарные потомки не забывают почтить память Феликса Эдмундовича, проявляют живой интерес к его героической жизни и деятельности. Ежегодно музей в Ивенце и его филиал в Дзержинове посещают более 80 тысяч экскурсантов, приезжающих из разных уголков нашей многонациональной страны, а также из-за рубежа. Музей ведет большую работу, чтобы полнее воссоздать жиз-

ненный путь семьи Дзержинских. Поддерживается обширная переписка с родственниками и соратниками Ф. Э. Дзержинского, ветеранами-чекистами, авторами книг и публикаций о нем.

По признанию многочисленных экскурсантов, музей и мемориальный комплекс оказывают большой силы эмоциональное воздействие и являются одним из наиболее действенных средств коммунистического воспитания. Музей Ф. Э. Дзержинского, созданный на его родине, филиал в Дзержинове стали центрами идеино-политического, нравственного, патриотического и интернационального воспитания курсантов Высших курсов КГБ СССР в Минске.

По инициативе учащихся местных школ создан музей Ф. Э. Дзержинского в Тесновской средней школе Столбцовского района. Действует на общественных началах музей в Воложинском районе. Доброй традицией стало проведение в Дзержинове церемонии посвящения в чекисты молодых сотрудников, начинающих службу в органах государственной безопасности, и вручения им удостоверений, оказание постоянной шефской помощи колхозу «Родина Ф. Э. Дзержинского» Столбцовского района Минской области, на территории которого находится усадьба.

В 1988 году исполкомом Минского областного Совета народных депутатов принято решение в период с 1989 по 1992 год значительно увеличить площадь музея в Ивенце, открыть в нем новую экспозицию, а также полностью воссоздать усадьбу Дзержиново. Проявлением искренней признательности и уважения к первому чекисту явилось предложение правления колхоза «Родина Ф. Э. Дзержинского» во главе с его председателем В. И. Новиковым выполнить собственными силами все работы по восстановлению усадьбы, где родился и воспитывался Феликс Эдмундович. На эти цели земляки Ф. Э. Дзержинского выделили более 300 тысяч рублей. В 1990 году решено начать и в течение года закончить восстановительные работы. Минским художником Г. П. Ивакиным выполнен макет новой экспозиции комплекса, писателем А. Ф. Хацкевичем подготовлена исследовательская работа по фактам жизни и деятельности Ф. Э. Дзержинского.

Чекисты Белоруссии, укрепляя связи с массами и опираясь на них, считают делом своей чести поддержать почин трудового коллектива и принять самое активное участие в восстановлении усадьбы Дзержиново. Мы обращаемся к сотрудникам территориальных органов КГБ СССР, органов военной контрразведки, ветеранам-чекистам с призывом об участии в сборе экспозиционных материалов, воспоминаний и других документов для вновь создаваемого мемориального комплекса на родине Феликса Эдмундовича Дзержинского. Собранные материалы просим направлять в адрес комитета комсомола Управления КГБ БССР по Минской области.

г. Минск

ЗНАТЬ И ИЗУЧАТЬ ПРОТИВНИКА

ЗА ШИРМОЙ ПОСОЛЬСТВА

Генерал-майор Р. КРАСИЛЬНИКОВ,
подполковник Ю. ПОЛУНИН

Составной частью так называемого «Американского разведывательного сообщества», тесно взаимодействующей с ЦРУ, Агентством национальной безопасности (АНБ) и другими разведорганами США, является военная разведка США.

Созданное 1 августа 1961 года, Разведывательное управление министерства обороны (РУМО) помимо общего руководства военными спецслужбами США проводит различные разведывательные операции и в настоящее время представляет собой сильную, мобильную и широко разветвленную стратегическую службу по добыванию, обработке и анализу разведывательной информации в интересах министерства обороны США, министерств армии, авиации, военно-морского флота и администрации США в целом. Как известно, подрывная деятельность военной разведки США носит глобальный характер, однако главные объекты ее разведывательных устремлений — Советский Союз и его Вооруженные Силы, вооруженные силы других социалистических государств и прежде всего стран — участниц Варшавского Договора.

В РУМО и разведках видов вооруженных сил имеется много подразделений различного уровня, организующих работу против Советского Союза, в том числе непосредственно на территории нашей страны.

Деятельность военной разведки США на территории СССР осуществляется в основном посольской резидентурой РУМО.

Посольская резидентура РУМО — это аппарат атташе по вопросам обороны при посольстве США в Москве. В него входят представители военной, военно-морской и военно-воздушной разведок, подбираемые из сотрудников Разведывательного управления министерства обороны США и разведывательных подразделений армии, авиации и флота. Все так называемые американские военные дипломаты в действительности являются офицерами военной разведки.

Атташе по вопросам обороны, он же резидент РУМО, работает в тесном контакте с резидентом ЦРУ в Москве, с которым согласовывает все разведывательные операции в СССР и которого знакомит с добываемой информацией. О разведывательной деятельности резидентуры РУМО он информирует также посла США в Москве.

Резидентуры РУМО и ЦРУ взаимодействуют в разведывательной работе на территории СССР, обмениваются информацией и проводят отдельные совместные оперативные мероприятия. Кроме того, резидентура РУМО информирует ЦРУ о выявленной слежке за военными разведчиками, о связях из советских граждан, о подходах так называемых «инициативников». Военные разведчики выполняют отдельные поручения резидентуры ЦРУ во время поездок по стране.

С середины 60-х годов ЦРУ по согласованию с РУМО в качестве прикрытия своей посольской резидентуры в Москве использует должности так называемых гражданских помощников атташе по вопросам обороны. За прошедший период на эти должности направлялся ряд выявленных нами в процессе разработки в СССР сотрудников ЦРУ. Все они активно занимались подготовкой и осуществлением операций по связи с агентами. Разоблачены и обезврежены несколько агентов американской разведки из числа советских граждан, с которыми они работали, а разведчики-агентуристы Крокетт и Сайтс во время проведения операций по связи с агентами (соответственно в сентябре 1977 и мае 1986 года) были захвачены с поличным и за шпионскую деятельность выдворены из СССР.

Руководство ЦРУ принимает меры для зашифровки этого прикрытия. Так, после провала Крокетта разведчикам ЦРУ, направляемым на должности гражданских помощников атташе по вопросам обороны, по согласованию с РУМО вменяется в обязанность чаще ездить по стране вместе с представителями военных атташетов, тем самым демонстрируя свою принадлежность к министерству обороны США. В этих же целях в 1979 году количество должностей гражданских помощников было увеличено с двух до пяти, а в 1985 году — до 10.

В целях компрометации этого прикрытия ЦРУ в советской прессе опубликовано несколько подготовленных нами разоблачительных материалов о деятельности некоторых сотрудников ЦРУ, занимавших должности гражданских помощников атташе по вопросам обороны. Факт их участия в агентурных акциях неоднократно ставился в ходе демаршей перед представителями аппарата атташе по вопросам обороны США.

В настоящее время руководство военных спецслужб США настаивает на более эффективной системе подготовки сотрудников, направляемых в СССР. Отбор кандидатов на работу в Москве производится строго индивидуально, в основном на добровольной основе. Профессиональная, техническая и оперативная подготовка разведчиков осуществляется непосредственно при РУМО в Вашингтоне, языковая, как правило, — в военном институте иностран-

ных языков в Монтерее (штат Калифорния, США), а затем в разведшколе армии США в городе Гармиш-Партенкирхене в ФРГ. Многие военные разведчики в период подготовки посещают Советский Союз в составе различных делегаций или в качестве туристов. Как правило, назначению в Москву предшествует их служба на разведывательных должностях в Европе, в том числе в военной миссии связи при Главкоме Группы советских войск в Германии (ныне Западная группа войск).

Американские военные разведчики хорошо подготовлены профессионально. Они обучены приемам и методам ведения визуальной разведки, по своим физическим и моральным качествам способны выполнять поставленные задачи, в том числе, как правило, готовы к тому, что в процессе работы могут столкнуться с мерами противодействия со стороны органов госбезопасности (например, быть задержанными при совершении разведывательных акций).

Сейчас на посольскую резидентуру РУМО возложена задача по добыванию информации об оборонном потенциале СССР и его Вооруженных Силах, экономике и внутриполитической обстановке в нашей стране. Им, в частности, поручено:

выявление признаков подготовки к возможным военным действиям;

доразведка по данным космической и других видов технической разведки интересующих противника объектов;

наблюдение за известными военной разведке объектами и за обстановкой вокруг них, а также выявление представляющих интерес новых объектов;

сбор информации о политико-моральном состоянии Вооруженных Сил СССР;

детальное изучение территории Советского Союза как возможного театра военных действий;

выбор объектов действий вооруженных сил США и НАТО в случае войны;

определение состояния видов транспорта и их пригодности для перевозок военной техники;

контроль за объектами гражданской обороны.

В настоящее время противник также старается получить информацию о перестройке в Вооруженных Силах СССР, о сотрудничестве стран — участниц Варшавского Договора.

Важное место при решении поставленных задач руководство резидентуры РУМО отводит визуальной разведке, поэтому американские разведчики совершают многочисленные поездки по территории Советского Союза, что в основном заранее планируется в РУМО.

В последние годы руководство американской военной разведки принимает меры в целях активизации этого направления деятельности посольской резидентуры РУМО. Так, например, в течение 1982—1988 годов американские военные разведчики, часто в сопровождении своих жен, ежегодно совершали около 200 поезд-

ок по территории СССР, что составляет примерно 30 процентов общего количества поездок представителей других стран НАТО, вместе взятых.

При планировании маршрутов поездок используются сведения космической разведки, радиоперехвата и других технических средств.

В ряде случаев американские военные разведчики в интересах решения разведывательных задач идут на прямое нарушение установленных для иностранных дипломатов правил и норм поведения. Так, 20 января 1988 года помощники военно-морского атташе США Уокер и Нортап во время пребывания в Крымской области пытались проникнуть в расположение военного гарнизона близ города Саки, чтобы оттуда вести наблюдение за аэродромом военно-морской авиации. В этих целях американцы без уведомления властей на городском транспорте выехали за пределы города, нарушив тем самым правила передвижения иностранцев по территории СССР. Не имея специальных пропусков, Уокер и Нортап выехали на рейсовом автобусе в расположение военного гарнизона, проигнорировав соответствующие запретительные знаки. Сотрудники органов КГБ пресекли дерзкую попытку американцев. Посольству США по этому поводу был заявлен протест.

Не остались безнаказанными и другие попытки сотрудников резидентуры РУМО проникнуть в закрытые районы, в зоны расположения военных и режимных объектов, а также нарушениями установленных для иностранцев правил фотографирования.

Активно используют американцы различные ухищрения для конспиративного фотографирования. Они размещают фотоаппаратуру в специально приспособленных дорожных сумках и предметах одежды, ведут фотосъемку из движущейся автомашины и т. п. Такие действия, например, предприняли 26 января 1988 года помощники военного атташе США Бито и Ван Ганди, когда в Кутаиси проводили фотографирование военных объектов из автомашины Интуриста.

Военные разведчики США широко применяют диктофоны, бинокли и другие приборы.

Имеются косвенные признаки использования противником портативных средств ведения технической разведки.

Сотрудники резидентуры РУМО к выполнению отдельных разведывательных действий часто привлекают своих жен, поручая им фотографирование интересующих объектов, контрнаблюдение, хранение разведывательных средств и материалов.

Планируя свои поездки, военные разведчики выбирают наиболее удобные рейсы Аэрофлота и маршруты поездов, а по автомобильным трассам движутся по собственному графику. Таким образом, противник старается сделать все, чтобы выполнение оперативных задач проходило в наиболее благоприятных для него условиях. Это проявляется также и в попытках расширить географию поездок, получить разрешение на посещение закрытых по режимным соображениям районов.

В последние годы сотрудники посольской резидентуры РУМО посетили примерно 50 городов в «открытых районах» Советского Союза. Наряду со столицами союзных республик наиболее посещаемыми являются крупные промышленные центры, железнодорожные узлы и морские порты, населенные пункты, где расположены известные противнику военные, оборонные или промышленные объекты.

В интересах добывания необходимой информации противник стремится активно использовать возможности, связанные с пребыванием в СССР американских инспекторских групп по проверке выполнения условий Договора по РСМД (в 1988 году на территории СССР находилось более 130 таких инспекторских групп общей численностью около 1300 человек), военных инспекторов в рамках стокгольмского соглашения, наблюдателей, приглашенных на военные учения.

За последние шесть лет МИД и Министерство обороны СССР сделали американской стороне представления более чем по 160 случаям нарушения правил поведения гражданами США на территории СССР, большая часть которых была допущена сотрудниками посольства резидентуры РУМО при ведении разведки (фотографирование в неразрешенных местах, проникновение в закрытые зоны или районы, отклонения от заявленного маршрута, нарушения правил дорожного движения и т. п.).

В целях снижения эффективности визуальной разведки и иной враждебной деятельности со стороны посольской резидентуры РУМО подразделения центрального аппарата КГБ совместно с заинтересованными территориальными органами проводят агентурно-оперативные и официальные мероприятия с использованием возможностей Управления внешних сношений Министерства обороны и Министерства иностранных дел СССР.

Агентурно-оперативные мероприятия с учетом сведений об участниках разведывательной поездки, маршрута и вида транспорта предусматривают контроль за их передвижением, поведением, а также выявление объектов устремлений, предупреждение и пресечение противоправной деятельности, в частности сковывание активности разведчиков с использованием сил и средств органов КГБ и милиции.

К наиболее важным мероприятиям можно отнести следующие: целенаправленная агентурная разработка военных разведчиков США, для чего необходимо постоянно уделять внимание уровню подготовки наших агентов, вести поиск нестандартных способов их подвода к противнику, шире использовать возможности агентуры из граждан третьих стран;

постоянное совершенствование форм и методов контроля за деятельностью военных разведчиков США при их передвижении по территории СССР, в том числе организация защитных мероприятий в окружении объектов постоянных устремлений противника, запрещающих или ограничивающих появление или пребывание там военных разведчиков (указательные щиты, специальные ограждения, ясно видимые табло и т. п.);

внедрение в оперативную практику комплекса мероприятий, направленных на выявление у военных разведчиков портативных технических средств ведения разведки и создание условий для их задержания с поличным.

Особенностью работы в отношении военных представителей является возможность использования разнообразных официальных мер, ограничивающих их разведывательную активность: отказ в регистрации поездок по оперативным соображениям, осуществляемый через Управление внешних сношений Министерства обороны СССР; внесение в условия совершения поездок изменений, касающихся маршрута движения и видов транспорта, которые либо вынуждают военных представителей США отказаться от поездки, либо создают наиболее неблагоприятные условия для ее совершения.

В тех случаях, когда по каким-то причинам официальные меры применять к военным разведчикам нежелательно, целесообразно, если это диктуется обстановкой, через оперативные возможности в советских организациях, обеспечивающих передвижение и размещение иностранцев, под благовидным предлогом отказывать им в билетах на транспорт или в бронировании гостиниц.

В организации контрразведывательной работы в отношении американских военных разведчиков необходимо учитывать и другие характерные особенности деятельности посольской резидентуры РУМО. В частности, наряду с активной визуальной разведкой военные разведчики США анализируют материалы военного характера, содержащиеся в советской периодической печати и специальных изданиях, в некоторых телевизионных программах и других открытых источниках.

В разведывательных целях сотрудники резидентуры РУМО активно используют официальные возможности диппредставительств для поддержания широких контактов с военными дипломатами третьих стран, в том числе государств, которым Советский Союз поставляет вооружение и куда направляет своих военных советников.

На дипломатических приемах военные разведчики США вступают в беседы с военными представителями социалистических стран, с дипломатами разных стран, с другими посетителями приемов, пытаясь получить важную информацию.

Сотрудники резидентуры РУМО по интересующим их проблемам, как правило, проводят опрос гидов-переводчиков и персонала Интуриста, занимающихся приемом иностранцев, идут на разовые контакты с местным населением, в том числе военнослужащими, иногда выдавая себя за туристов, граждан социалистических стран и даже советских граждан. От установления отношений на долговременной нейтральной основе обычно уклоняются, ссылаясь на запрет со стороны посольства и «нежелание причинить неприятности» советским гражданам.

Следует также отметить, что противник активно использует канал кратковременного въезда в СССР, по которому Москву посещают сотрудники разведорганов министерства обороны США

в составе различных официальных делегаций, а также для консультаций и инспектирования деятельности аппарата атташе по вопросам обороны.

Свою деятельность по добыванию разведывательной информации сотрудники резидентуры РУМО координируют с разведчиками других стран НАТО. Наиболее тесные связи американцы имеют с военными представителями Англии, Франции и Канады.
